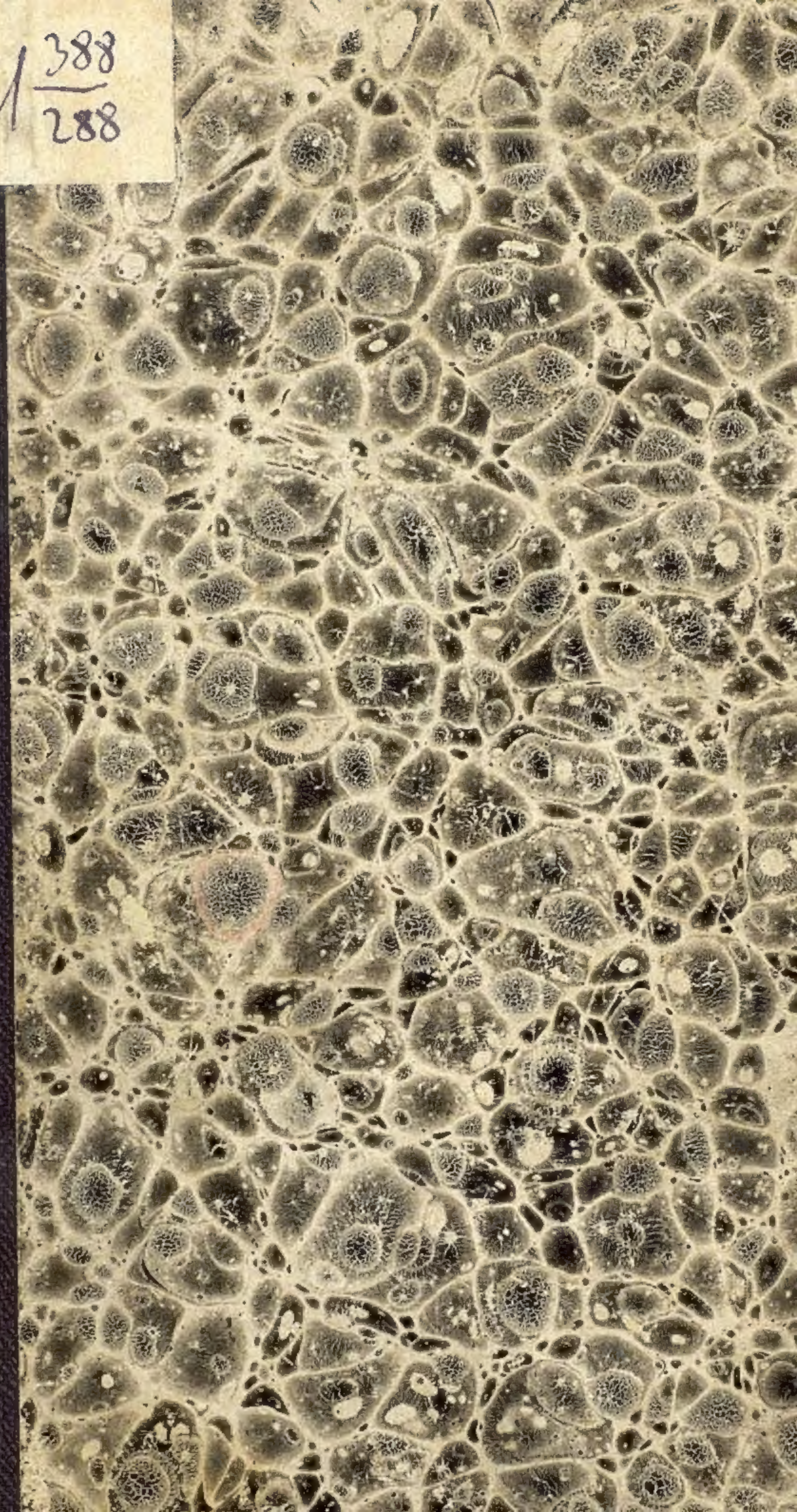
У 388/288



a 28410

Бр 6609

2007081193

И 388/288
Благоразв. права
Всесоюзн. библиотека имени В. И. Ленина
63577-45
ПОГАШЕНО

ПРАВА И ЗНАЧЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИХЪ ПРОЯВЛЕНІИ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. МѴРОНОСИЦЫ И РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРІИ МАГДАЛИНЫ И ТЕЗОИМЕНИТСТВА ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ И ДРУГИХЪ АВГУСТѢЙШИХЪ ОСОБЪ (1880 г.).

Наше время исполнено всяческихъ противорѣчій. Съ одной стороны, хотятъ смотрѣть на человѣка съ матеріалистически-низменной точки зрѣнія, считать его не болѣе, какъ выродкомъ простаго животнаго, и въ тоже время не находятъ словъ, чтобы достойно превознести этого царя природы, властвующаго надъ нею въ особенно дивныхъ новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ силою своего ума, ужъ конечно не животнаго, а истинно богоподобнаго. Съ другой стороны, много, иногда уже слишкомъ много толкуя о человѣческомъ прогрессѣ вообще и въ особенности объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ опять новаго времени, нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей почему-то непріязненно относятся къ религіи и церкви, равно и къ самимъ служителямъ ея, видя въ нихъ противниковъ и какъбы запинателей прогресса всякаго рода, тогда какъ религія и церковь, въ особенности христіанская и именно православно-христіанская, всего болѣе стоитъ за истинное достоинство и права человѣка какъ въ самомъ происхожденіи, такъ и въ его назначеніи, всегда и вездѣ готова содѣйствовать истинному просвѣщенію ума, развитію и совершенствованію всѣхъ богоподобныхъ силъ человѣка.

Въ частности—много говорятъ и пишутъ въ наше время о достоинствѣ и правахъ женщины, и приэтомъ также

нерѣдко бросаютъ недовѣрчивые и укоризненные взгляды въ сторону религіи и церкви съ ея служителями и опять совершенно незаслуженно, несправедливо, безосновательно. Въ день памяти св. мироносицы и равноапостольной Маріи Магдалины и тезоименитства дорогихъ намъ августѣйшихъ особъ, думаемъ, не неумѣстна будетъ бесѣда *о правахъ и значеніи женщины въ историческомъ ихъ проявленіи*: здѣсь мы увидимъ, чѣмъ была женщина въ язычествѣ и іудействѣ и чѣмъ стала она или, лучше, должна стать въ христіанствѣ, и что именно дѣлала и дѣлаетъ для нея религія и церковь.

Извѣстно, что не только у дикихъ, но и у самыхъ образованныхъ народовъ языческой древности женщина оставалась совершенно безправнымъ и какбы безличнымъ существомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Греко-римскіе философы и законодатели вообще были того мнѣнія, что «женщина принадлежитъ къ низшей породѣ» (Аристотель), что она сама по себѣ «существо невѣжественное и необузданное, неспособное управлять собою» (Сенека), и потому эти умные люди рѣшительно отказывали женщинѣ въ образованіи и обрекали ее, наравнѣ съ отверженными тогда рабами и малолѣтными дѣтьми, на всегдашнюю опеку со стороны мужчины и вмѣстѣ почти на безъисходное затворничество внутри дома. (Мужчины же, по обычаямъ того времени, большую часть дня проводили, наоборотъ, именно внѣ дома). Между тѣмъ религія, даже темная и нечестивая религія языческая, считала своимъ долгомъ вступаться за *личное* общечеловѣческое достоинство женщины и, ревностно борясь съ ученіями философовъ и законодателей, равно и съ опиравшимся на нихъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, мало-помалу отстаивала у нихъ естественное *нравственное* право женщины на религіозное знаніе (каково бы оно ни было само въ себѣ) и участіе въ общественной молитвѣ и извѣстныхъ жертвоприношеніяхъ въ храмѣ. Позднѣе женщинамъ, наприм. весталкамъ, предоставлено было даже

право самостоятельнаго и непосредственнаго жреческаго служенія, что̀ уже составляло крайность и явное противорѣчіе положенію ихъ въ языческомъ обществѣ. Болѣе правильное и чистое вліяніе на положеніе женщины обнаруживается въ Богооткровенной религіи іудейской. Первыя страницы Библіи внушаютъ намъ, что мужъ и жена одинаково созданы по образу и подобію Божію, и слѣдовательно женщина такое же нравственно-личное, способное къ религіозному знанію и вообще къ всестороннему духовному совершествованію существо, какъ и мужщина. Не принимая несвойственной себѣ должности священства, еврейская женщина, какъ *дочь Іеговы* (Второз. 32, 19), съ твердою вѣрою, что именно въ *Сѣмени жены* подано будетъ спасеніе отъ тѣхъ бѣдствій, которыя навлекло на землю и человѣка его преступленіе, имѣетъ участіе въ жертвоприношеніи съ своимъ мужемъ первородныхъ изъ стадъ или начатковъ отъ полевыхъ плодовъ, и затѣмъ сообща съ нимъ дѣлается причастницею небесныхъ благословеній. Благочестивая Сарра съумѣла понять и раздѣлить призваніе своего супруга—сохранить распространить и поддержать въ чужой странѣ вѣру въ единаго истиннаго Бога. Богобоязненная Іохаведа, носившая священное имя Его нераздѣльно въ собственномъ имени, съумѣла воспитать великаго освободителя, пророка и законодателя своему народу. Въ дальнѣйшій періодъ времени еврейская женщина училась непосредственно изъ книги закона, которая была открыта всѣмъ и каждому, знанію религіозной истины и исполненію своихъ обязанностей, и изъ самой исторіи своего народа,—этого чуднаго народа,—почерпала никогда неоставлявшія ея чувства страха предъ Богомъ и любви къ отечеству. Затѣмъ безпрепятственно, вмѣстѣ съ своими отцами и супругами, приходя на народныя празднества къ святилищу Божію съ произведеніями рукъ своихъ и обѣтными жертвоприношеніями, или и навсегда оставаясь служить при дверяхъ его (Исх. 38, 8 и др.), дѣвы и жены сами уже являются

пророчицами, чтобы помогать развитію и укрѣпленію вѣры въ грядущаго Мессію (начиная съ Маріамны), и мученицами, чтобы безтрепетно умирать за исповѣданіе этой вѣры (мать маккавеевъ). Наконецъ настало время, когда любовь Божія опредѣлила распространить на весь міръ то сокровище, которое прежде было ввѣренно для охраненія только одному народу. Одна изъ дочерей Израиля, напитанная словомъ Божіимъ, предочищенная Духомъ Святымъ, посвятившая годы юности своей подвигамъ поста и молитвы при храмѣ, удостоивается стать преблословенною матерью самаго Господа Искупителя. Такимъ образомъ, если чрезъ женщину вошли въ міръ грѣхъ и проклятіе, то чрезъ женщину же, дѣйствительно, вносится въ міръ благодать спасенія и возстановленія, и сама она въ лицѣ Дѣвы-Богоматери, возносится здѣсь на необычайную степень величія и славы. Отнынѣ *во Христѣ Іисусѣ нѣтъ различія между мужскимъ поломъ и женскимъ* (Галат. 3, 28). Какъ *сонаслѣдницы благодатной жизни* (1 Петр. 3, 7), и женщины, наравнѣ съ мужчинами, призваны къ участію въ служеніи Богу—Спасителю и освященію святыми таинствами церкви, и вотъ онѣ, по дару и дѣйствію Духа Святаго, являются въ церкви Христовой не только вполнѣ достойными ученицами Евангелія, но и равноапостольными проповѣдницами его невѣрнымъ,—какова и прославляема нами нынѣ святая Марія Магдалина,—діакониссами, посвящающими силы души и тѣла своего на утѣшеніе и попеченіе о болящихъ и сиротствующихъ, безстрашными исповѣдницами и мученицами за имя Христово, подвижницами, отдающими чистую дѣвственную жизнь свою небесному Жениху. Такъ дорога была нѣжная, способная къ самоотверженной любви и преданности, женская натура для религіи Христовой, проповѣдующей въ дѣлѣ служенія Богу и человѣчеству любовь, терпѣніе и кротость,—качества, которыя оставались невѣдомыми древнему міру, или же не замѣчались имъ въ женщинѣ! Впрочемъ божественный Основатель

церкви и апостолы Его, устроя все въ ней *благообразно и чинно* (1 Кор. 14, 40), также не позволяютъ женщинѣ проповѣдывать публично или священнодѣйствовать въ церкви, а предписываютъ слушать и молиться въ молчаніи и, согласно почти общепринятому обычаю древности, съ покрытою головою въ знакъ свойственной ей скромности (1 Кор. 11, 5. 10. 13; 14, 34; 1 Тим. 2, 11—12), хотя это не освобождаетъ мать семейства отъ обязанности учить вѣрѣ дома, наравнѣ съ мужемъ-отцемъ, своихъ чадъ и домочадцевъ. Женщины-христіанки, возблагодарите Господа за то, что вы всегда имѣете свободный входъ въ святой храмъ Его,—этотъ рай на землѣ, и не лишены молитвеннаго общенія въ духѣ и истинѣ съ своими отцами и супругами, равно и благодатнаго освященія отъ Живущаго въ немъ, какъ лишены этого тысячи сестеръ вашихъ, доселѣ сѣдящихъ во тьмѣ язычества и—явившагося позднѣе, но не менѣе пагубнаго — исламизма, всѣмъ изгоняющаго женщину изъ мѣстъ общественнаго богослуженія!

Точно также въ *семейно-общественномъ* отношеніи языческая женщина не имѣла никакой самостоятельной цѣны и значенія, всецѣло и безусловно была подчинена сначала своему отцу, а потомъ мужу, и чуждая всякаго участія въ дѣлахъ и интересахъ общества (за рѣдкими чрезвычайными исключеніями), оставалась внѣ покровительства и защиты со стороны закона. Самые лучшіе и умнѣйшіе изъ язычниковъ не стыдились хвалиться тѣмъ, что «въ случаѣ невѣрности жены законъ дозволяетъ мужу тотчасъ же, безъ суда, убить ее, жена же, напротивъ не смѣетъ преступнаго мужа тронуть даже пальцемъ: ибо законъ воспрещаетъ ей это» (Катонъ старшій). Смотря на жену какъ на орудіе къ удовлетворенію чувственнаго вожделѣнія, въ лучшемъ смыслѣ—производительницу членовъ государства и вмѣстѣ безотвѣтную рабу свою, мужъ-язычникъ вообще, по самому пустому поводу, произвольно могъ прогнать ее отъ себя, или отдать другому, безъ ея собствен-

наго согласія, чтобы жениться на другой женѣ, и потомъ снова, пожалуй, взять къ себѣ первую, даже прямо лишить ее жизни, посовѣтовавшись только съ ея родственниками. (Вспомните при этомъ также положеніе женщины—супруги въ многоженной мусульманской семьѣ!). Но тутъ опять приходитъ на помощь женщинѣ, на защиту ея жизни и чести религія, которая употребляла немало усилій (особенно въ Римѣ), чтобы сдѣлать бракъ болѣе торжественнымъ и священнымъ актомъ, и чрезъ то ввести начала возможнаго равновѣсія въ домѣ между супругами, и также—если не уничтожить совершенно, по крайней мѣрѣ затруднить и уменьшить поводы къ разводамъ,—этимъ всегда важнымъ безпорядкамъ, оскорбляющимъ семью и общество. Гораздо больше сдѣлано было въ пользу женщины богоданнымъ закономъ Моисеевымъ и уже неизмѣримо больше принесено впослѣдствіи Евангеліемъ Христовымъ. Вступая въ бракъ собственно съ одною лишь женою, еврей признавалъ ее хотя и подчиненною себѣ, однакожъ не рабою, а *помощницею* и спутницею своей жизни, которая должна трудиться для его довольства и покоя, но съ которою и онъ могъ бы дѣлить отъ сердца всѣ радости и печали, и особенно относился къ ней съ чувствомъ уваженія, какъ матери и воспитательницѣ своихъ дѣтей, которая, бывъ виновницею паденія и смерти, должна была и искупить эту вину свою рожденіемъ обѣтованнаго *Сѣмени*. Правда, у евреевъ также существовало двоеженство и даже многоженство, какбы равдѣлявшее вѣрность мужа между нѣсколькими женами; но это послѣднее, съ одной стороны, существовало помимо уже самаго закона, который только терпѣлъ его, съ другой — оно вызывалось и болѣе или менѣе извинялось именно стремленіемъ къ размноженію и прославленію избраннаго Богомъ племени для сохраненія Его завѣтовъ. Затѣмъ жены и дочери евреевъ были далеки отъ бездѣйствія и усыпляющей духъ суетности языческихъ и особенно восточныхъ женщинъ: напротивъ, онѣ много

хлопотали по дому и хозяйству, принимали странниковъ, смотрѣли за стадами; иногда являлись даже на поприщѣ общественной дѣятельности въ званіи пророчицы, судьи, военной предводительницы, также выражали свое участіе къ великимъ общественнымъ событіямъ — провожали съ пѣснями и ликованіемъ побѣдоносныя войска, прославляли самихъ побѣдителей и т. п. (1 Цар. 18, 7; Псал. 67, 26; Исх. 15, 20). Съ другой стороны, великій Богомудрый законодатель еврейскаго народа, снисходя къ нравственной грубости или, по выраженію самого Господа, *жестокосердію* его, дозволилъ въ извѣстныхъ случаяхъ и разводъ между супругами, — въ предупрежденіе еще большихъ другихъ золъ, — но при этомъ не забылъ обезпечить жизнь и нравственное достоинство оставляемой мужемъ жены написаніемъ ей *книги отпущенія*, въ которой мужъ долженъ былъ выразить свой отказъ отъ супружескихъ правъ на нее, и она свободна была выйдти за мужъ за другаго, безъ необходимости возвращенія къ первому (Второз. 24, 1—4). Возстановляя правильныя и мирныя, христіански-человѣчныя отношенія между людьми, какъ искупленными благодатными чадами новаго завѣта, Христосъ Спаситель въ обращеніи съ женщинами всѣ свои наставленія и дѣйствія направлялъ къ тому, чтобы утвердить и засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ міромъ ихъ высокія нравственныя достоинства и права и чтобы разрушить тѣ цѣпи рабства, отчужденія и вѣчнаго несовершеннолѣтія, въ которыхъ женщина находилась прежде. Онъ много разъ обнаруживалъ, какъ можетъ быть искрення и глубока вѣра женщины, какъ горяча любовь ея, сильна и чиста преданность ея всему высокому и святому, и вмѣстѣ самъ съ уваженіемъ и любовію произносилъ имена матери, супруги, сестры. Положивъ въ основаніе своего ученія о бракѣ первональный законъ или идеалъ, данный при сотвореніи Богомъ человѣка и слѣдовательно присущій самой его природѣ, Господь и апостолы Его тогда же выяснили и

показали всѣ условія и слѣдствія, соединенныя съ такимъ бракомъ, какъ отображеніемъ высочайшаго духовнаго союза самого Искупителя съ Его церковію. Эти условія и слѣдствія: истинное нравственно-духовное равенство мужа и жены при сохраненіи отличительныхъ свойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ натуры мужчины и женщины, отсюда дружелюбное и искреннее повиновеніе одной сравнительно слабѣйшей половины и благородное довѣріе и сочувствіе другой сильнѣйшей, вообще же полная необходимость ихъ другъ для друга, взаимное единеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и веденія домашняго хозяйства и всегдашняя до самой смерти неразрывность. *Оставитъ человѣкъ отца и мать*, говорилъ Іисусъ Христосъ словами Бытія противъ фарисеевъ, именно непризнававшихъ въ бракѣ тѣснаго, внутренняго и неразрывнаго союза, *и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію, такъ что они уже не двое, но одна плоть* (какъбы одно существо): *итакъ что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ* (Мѳ. 19, 4—6; Ефес. 5, 22—33; 1 Петр. 3, 7) Такъ христіанская женщина получаетъ несравненно болѣе высокое, даже немыслимое для нея прежде значеніе въ семействѣ, въ которомъ между тѣмъ коренится основаніе и начало правильной жизни общественной. Въ частности запрещеніе церковію развода, какъ явленія противорѣчащаго высоконравственной цѣли или идеѣ христіанскаго (вмѣстѣ и первобытнаго) брака, также имѣетъ, очевидно, благодѣтельное значеніе преимущественно для женщины, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и всецѣло упрочить и обезопасить отъ всякихъ случайностей ея нравственное положеніе и самое матеріальное существованіе. На одну только причину, достаточный и законный поводъ къ расторженію брачнаго союза, указалъ самъ Господь: это нарушеніе супружеской вѣрности тою, либо другою — безразлично уже для жены и мужа!— стороною, когда то-есть самымъ дѣломъ нарушено существо брака и оскорблено его нравственное значеніе. Далѣе самое дѣвство и вдовство — явленія со-

вершенно исключительныя въ древнемъ мірѣ, особенно первое съ внѣшне-принудительнымъ характеромъ для нѣкоторыхъ изъ языческихъ женщинъ (наприм. тѣхъ же весталокъ) и горько безотраднымъ и безславнымъ значеніемъ у евреевъ (дочь Іефѳая), — дѣвство и вдовство въ христіанствѣ служатъ яснѣйшимъ доказательствомъ личной самостоятельности женщины и независимаго отъ мужчины ея бытія и значенія; ктомуже оказываются наиболѣе свободнымъ и удобнымъ состояніемъ для служенія Богу и человѣчеству, и, въ свою очередь, заслуживаютъ общее отъ всѣхъ уваженіе и признательную любовь (1 Тим. 5, 2 — 3. 10). Свободнымъ—временно или постоянно—отъ обязанностей супружества и семейныхъ заботъ женщинамъ ничто не мѣшаетъ, конечно, занимать различныя, доступныя имъ по умственнымъ и физическимъ силамъ, даже публичныя гражданскія должности (напр. и преимущественно въ педагогической и врачебной областяхъ), въ которыхъ онѣ могутъ внести въ общественную среду нѣкоторыя лучшія, смягчающія и облагораживающія ее, черты дѣятельности.—Но вотъ въ послѣднее время нерѣдко слышатся у насъ жалобы на законъ о неразторжимости брачнаго союза. Нерасторжимыя узы брака, говорятъ, это вѣдь своего рода рабская цѣпь.—Цѣпь благодѣтельная, отвѣтимъ мы на это, сдерживающая необузданные и мимолетные порывы чувственной страсти и освобождающая отъ несравненно тягостнѣйшихъ цѣпей разврата (1 Кор. 7, 2). Желающіе свободы развода указываютъ на разныя рода нестроенія и злоупотребленія въ семейно-домашнемъ быту, отъ которыхъ чаще и больше страдаетъ женская половина, и потому они радѣютъ, повидимому, о благѣ и счастіи женщины. Но, поистинѣ, во всѣхъ этихъ нестроеніяхъ и злоупотребленіяхъ виноваты ли именно условія брака, установленныя церковію,—церковію, которая для исполненія высокихъ и вмѣстѣ очень не легкихъ для падшаго себялюбиваго человѣка взаимныхъ обязанностей матерински низводитъ на христіанскихъ супруговъ высшее

освященіе и благословеніе? Нѣтъ. Виновата въ томъ собственная неразвитость и испорченность людей, которые водятся, при заключеніи браковъ, не столько прямыми и чистыми побужденіями взаимосочувствія брачущихся, сколько побочными и эгоистическими расчетами честолюбія или корыстолюбія. Слѣдовательно, еслибы и въ этихъ случаяхъ мы тверже помнили наставленіе своего Господа и Спасителя *искать прежде всего царствія Божія и правды его*—держаться нравственныхъ началъ и побужденій, а потомъ уже заботиться о другихъ необходимыхъ требованіяхъ жизни; то несомнѣнно, у насъ гораздо рѣже встрѣчались бы такъ называемые несчастные браки (если ужъ совсѣмъ не бывать имъ невозможно), и тогда не было бы побужденій желать увеличенія поводовъ къ разводамъ или даже помышлять о помимоцерковномъ гражданскомъ бракѣ,—этихъ недостойныхъ христіанской совѣсти сдѣлкахъ, отъ которыхъ нельзя ждать истиннаго облегченія и улучшенія ни положенія женщины—матери, ни участи дѣтей—сиротъ при живыхъ родителяхъ.

Такъ христіанство сняло съ женщины печать отчужденія и униженія и пріобрѣло ей полное право на уваженіе и доброе сочувствіе, засвидѣтельствовавъ и освятивъ всесторонность ея человѣческихъ достоинствъ и нравственныхъ силъ, которыя не только не уступаютъ мужскимъ, но въ иныхъ случаяхъ и отношеніяхъ жизни способны даже превзойти ихъ. «Таково естество жены, скажемъ словами одного изъ древнихъ отцевъ церкви, побѣдившее въ общемъ подвигѣ спасенія естество мужей и показавшее, что жена отлична отъ мужа не по душѣ, а только по тѣлу» (Творен. Григорія Б—ва въ русск. пер. 1843 год. ч. 1, стр. 280), или, какъ выражается другой святой отецъ, «женщина различается отъ мужчины только по внѣшнимъ обстоятельствамъ,... но въ подвигахъ благочестія у нихъ общее поприще, общій подвигъ» (Бесѣд. св. Златоуста, говоренная въ храмѣ св. Ирины, перев.

архим. Поликарпа, 1835 г. стр. 92 — 3). Пожелаемъ же молитвенно, братіе соотечественники, чтобы въ особенности молодое поколѣніе русскихъ женщинъ, о христіански-патріотическомъ воспитаніи которыхъ такъ много пеклась въ Бозѣ почившая незабвенная Государыня Императрица, а теперь такое же попеченіе, съ благостнѣйшаго соизволенія самого Государя Императора, воспринимаетъ на себя Благовѣрная Государыня Цесаревна и великая княгиня Марія Ѳеодоровна,—чтобы въ особенности молодое женское наше поколѣніе больше и искреннѣе напитывалось духомъ православнаго ученія вѣры и истинно-русской народности, и въ свое время явило изъ себя достойныхъ христіанскаго имени служительницъ русскому обществу! Аминь.

Прот. Николай Благоразумовъ.

(Изъ Душеполезнаго Чтенія 1880 года.)

Печатать позволяется. Москва. Августа 21 дня 1880 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ.*

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

О ПОБУЖДЕНІЯХЪ КЪ НРАВСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

У ХРИСТІАНИНА.

Слово въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

Воздадите кесарева кесареви и Божія Богови (Матѳ. 22, 21).

Бога бойтеся, царя чтите (1 Петр. 2, 17).

Христіанство, какъ послѣднее, высшее и совершеннѣйшее откровеніе тріединаго Бога человѣку на землѣ, стоитъ выше всѣхъ житейски-бытовыхъ, временныхъ и случайныхъ отношеній между людьми, и имѣетъ своею существенною цѣлію приготовить изъ нихъ гражданъ для неба и вѣчности. Поэтому оно касается указанныхъ отношеній лишь постольку, поскольку они благопріятствуютъ, или не благопріятствуютъ духовно-нравственному преуспѣянію человѣка. Оно не ставило и не ставитъ себѣ непосредственнымъ образомъ вопроса ни объ общихъ формахъ государственнаго правленія или устройства, ни о болѣе частныхъ внѣшне-гражданскихъ, напримѣръ сословныхъ учрежденіяхъ и отличіяхъ; но просто и прямо говоритъ всѣмъ: *воздадите кесарева кесареви*, словами самого Господа Спасителя,—*почитайте царя* (царя тогда еще язычника, гонителя и мучителя христіанъ)—словами одного изъ Апостоловъ Его (Петра). Во имя чего же это? Во имя единственно вѣрнаго и безусловно-обязательнаго сужденія: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.*

Ньсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тьмже противляяйся власти Божію повелѣнію противляется и чрезъ то *себѣ грѣхъ* (осужденіе) *пріемлетъ. Князи бо не суть бонзѣ добрымъ дѣломъ, но злымъ.* Начальникъ *есть Божій слуга во благое* (въ похвалу творящему благое), *отмститель же въ гнѣвъ* (въ наказаніе) *злое творящему. Тьмже потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Римл. 13, 1—5), пишетъ другой изъ Апостоловъ Христовыхъ (Павелъ). Точно такъже христіанство не задавалось и не задается вопросомъ о томъ, учрежденія ли и уставы общественные господствуютъ надъ людьми, облагораживаютъ и улучшаютъ ихъ, или же сами люди движутъ этими учрежденіями и уставами, одушевляютъ и совершенствуютъ ихъ; но просто и прямо внушаетъ супругамъ (независимо отъ званія и состоянія), *чтобы жены повиновались своимъ мужьямъ во всемъ, якоже подобаетъ о Господѣ,* но *и мужья любили бы своихъ женъ, якоже себе, и не огорчались къ нимъ* (Ефес. 5, 22—23; Колосс. 3, 18—19), чтобы *дѣти* (независимо отъ происхожденія и образованія) *слушались своихъ родителей во всемъ о Господѣ,* но *и отцы* или вообще родители *не раздражали бы дѣтей своихъ, да не унываютъ, но воспитывали ихъ въ наказаніи* (наставленіи) *и ученіи Господни* (Тамъже, 6, 1—4; 3, 20—21), чтобы даже *рабы подчинялись господамъ своимъ по плоти; не предъ очима точію работающе, аки человѣкоугодницы, но въ простотѣ сердца, боящеся Бога,* но *и господи подавали бы правду и уравненіе рабамъ, послабляюще имъ прещенія, вѣдяще, яко и имъ самѣмъ, и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ,* нелицепріятный Судія и Мздовоздаятель (Тамъ же, ст. 5—9; 22—25 и 4, 1). Итакъ должно повиноваться правителямъ вообще въ области государственной, какъ главамъ семействъ и домовъ въ области семейно-общественной, *не токмо за гнѣвъ,* т. е. не только изъ страха наказаній за противленіе власти богоустановленной тамъ и здѣсь, *но и за совѣсть,*—по убѣжденію совѣсти, что существованіе правителей и порядокъ семейно-общественнаго быта истинно

благодѣтельны для насъ, притомъ сколько во внѣшне-матеріальномъ, столько же и въ нравственномъ отношеніи, иначе въ разсужденіи настоящей временной, и будущей вѣчной жизни.—Конечно слишкомъ малодостойно было бы христіанина исполнять требованія закона Божія о надлежащемъ отношеніи къ властямъ по какимъ-либо житейски-корыстнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, — чтобы заслужить отъ нихъ *похвалу* или благоволеніе, получить матеріальную выгоду за покорность, и чтобы, напротивъ, не подвергнуться *отмщенію*, такимъ, либо другимъ взысканіямъ, или не потерпѣть тѣлеснаго наказанія за непокорность. Все это свойственно только эгопстамъ-язычникамъ, *неимущимъ упованія* на воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка (1 Солун. 4, 13), и развѣ жестоковыйнымъ Іудеямъ, къ которымъ самъ Богъ Законодатель обращался нѣкогда (чрезъ пророка) съ такими словами: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снъсте; аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ* (Ис. 1, 19—20). Болѣе высокія и чистыя побужденія для дѣятельности христіанина, или, по выраженію премудраго Соломона, *начало* истинной *премудрости* составляетъ *страхъ Божій* (Притч. 9, 10), о которомъ, какъ видно, помышляли и которымъ старались руководиться въ своей жизни лучшіе и изъ ветхозавѣтныхъ людей. Но для христіанина это уже не столько страхъ предъ Богомъ Законодателемъ и грознымъ Судіею, какъ для Іудея, сколько предъ Богомъ Спасителемъ, который избавилъ его отъ рабства грѣху и смерти и, приблизивъ къ себѣ, какъ сына, даровалъ ему *вся божественныя, благодатныя силы, яже къ животу и благочестію* (1 Петр. 1, 3)—для нравственнаго самоисправленія и усовершенія, и уготовалъ ему вѣчное блаженство на небѣ. Такимъ образомъ чувство благоговѣйной и всецѣлой благодарности къ Господу Спасителю должно одушевлять христіанина, какъ вообще при исполненіи требованій евангельскаго закона, такъ въ частности и заповѣди о почитаніи и покорности властямъ. Поступайте всегда и во всемъ *яко свободни, а не яко прекровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Бо-*

жіи, увѣщевалъ христіанъ св. ап. Петръ (1 Петр. 2, 16); *всяко еже аще что творите, отъ души дѣлайте, якоже Господу, а не человѣкомъ: вѣдяще, яко отъ Господа пріимете воздаяніе достоянія: Господу бо Христу работаете... за упованіе отложенное вамъ на небесѣхъ*, внушалъ имъ и ап. Павелъ (Колосс. 1, 5 и 3, 23—4). Относительно подобныхъ людей тотъже Апостолъ (Павелъ) говоритъ: *на таковыхъ нѣсть и закона* (Гал. 5, 23), или иначе еще: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), т.-е. такой человѣкъ не нуждается въ предписаніяхъ закона и какихъ-либо внѣшнихъ побужденіяхъ къ исполненію требованій его. Голосъ божественнаго закона живъ и ясенъ въ его совѣсти; онъ осуществляетъ заповѣди о любви къ Богу и ближнему *(а въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы вѣсятъ*—Матѳ. 22, 40) по внутреннимъ движеніямъ сердца, развивъ въ себѣ склонность и какъбы навыкъ къ добродѣтели, постоянно питаясь и услаждаясь ею, подобно тому, какъ истинный любитель науки пріобрѣтаетъ склонность и навыкъ къ занятію извѣстною отраслью ея, въ которомъ также находитъ для себя лучшее и высшее наслажденіе.

Да, есть нѣсколько возрастовъ естественныхъ, соотвѣтственно физическому развитію человѣка: точно также есть нѣсколько возрастовъ и духовно-благодатныхъ, соотвѣтственно нравственному преуспѣянію человѣка. Св. ап. Іоаннъ исчисляетъ именно три такихъ возраста: отроческій, юношескій и мужскій. *Отрокамъ* или дѣтямъ, какъ начинающимъ только учиться, онъ приписываетъ познаніе Бога вообще *(Отца)*, какъбы низшую степень боговѣдѣнія, на которой человѣкъ познаетъ лишь общія свойства и дѣйствія Божества, обнаруживаемыя въ твореніи міра и промышленіи о немъ,—и затѣмъ прощеніе грѣховъ, указывая на ихъ недавнее духовное рожденіе въ таинствѣ крещенія. *Юношей* Апостолъ называетъ *сильными*, потому что они полнѣе и глубже усвоили себѣ слово Божіе, которымъ, какъ *мечемъ духовнымъ* (Ефес. 6, 17), могутъ побѣдить и побѣдили уже діавола—князя міра грѣховнаго съ его обольщеніями, особенно опасными для юношей.

Наконецъ, *отцамъ* или мужамъ, какъ старѣйшимъ возрастомъ, какъ утвердившимся въ вѣрѣ и добродѣтели, Апостолъ усвояетъ познаніе *Сущаго отъ начала* (отъ вѣчности рожденнаго Бога-Слова), т.-е. познаніе чрезвычайныхъ дѣйствій Божіихъ, являемыхъ въ воплощеніи Сына Божія и искупленіи Имъ человѣка, а вмѣстѣ и созерцаніе въ Немъ высшаго образца нравственнаго совершенства (1 Іоан. 2, 12—14). Равно и ап. Павелъ различаетъ духовныхъ *младенцевъ*, которымъ, какъ *неискуснымъ въ словѣ правды*,—неспособнымъ еще къ воспріятію высшихъ истинъ вѣры Христовой, потребно питаніе *молокомъ*,—обученіе *началамъ слова Божія*,—и *совершенныхъ* или духовно-возрастныхъ, *имущихъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла* и могущихъ потому вкушать *твердую пищу*,—какъ постигать высокія истины вѣры, такъ и восходить на высшія ступени по лѣствицѣ нравственнаго совершенства (Евр. 5, 12—14). И, по мысли св. Апостола, проходящимъ путь духовно-нравственнаго развитія полезно бываетъ оглядываться назадъ, припоминать и обозрѣвать свои расположенія и поступки не для горделиваго самоуслажденія ими, но для возбужденія себя къ бо́льшимъ и бо́льшимъ подвигамъ, подобно тому, какъ и учащихся дѣтей указаніемъ на сдѣланные уже ими успѣхи поощряютъ къ дальнѣйшему ученію, между тѣмъ какъ люди болѣе совершенные въ нравственномъ отношеніи (какъ и самъ ап. Павелъ) держатся такого правила, что *задняя забывая, въ предняя же простираяся со усердіемъ*, безостановочно *гонятъ* (стремятся) *къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Филипп. 3, 14).

Но вѣдь и побужденія къ добронравственной жизни и дѣятельности христіанина, состоящія *въ почести вышняго званія Божія, въ упованіи на уготованное ему небесное блаженство* (а съ отрицательной стороны—въ страхѣ предъ вѣчнымъ мученіемъ ада за неисполненіе заповѣдей Божіихъ), скажутъ, опять отзываются своекорыстіемъ и, слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ нѣчто нечистое и недостойное въ прав-

ственномъ смыслѣ. До извѣстной степени это такъ. Однакожъ не надобно забывать, что настоящая земная жизнь для христіанина, т.-е. для человѣка падшаго, но возстановляемаго благодатію Божіею, какъ мы говорили и выше, есть періодъ несовершеннолѣтія и воспитанія духовнаго. А въ этомъ періодѣ обыкновенно употребляютъ, по отношенію къ дѣтямъ и юношамъ, въ ряду другихъ педагогическихъ мѣръ, извѣстныя награды и наказанія для поощренія ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и къ болѣе доброму поведенію. Такъ и для нравственно-несовершеннолѣтняго питомца земли, приготовляемаго къ небу, имѣютъ свою силу и значеніе обѣщанія наградъ и угрозы наказаніями, чтобы такимъ путемъ постепенно возводить его къ бо́льшему самоотверженію и чистѣйшей добродѣтели. Съ другой стороны, вѣчное блаженство, понимаемое въ смыслѣ чисто духовнаго и внутренняго чувства радости или самоудовлетворенія, является естественнымъ и прямымъ слѣдствіемъ и какъбы отраженіемъ той или иной степени духовно-нравственнаго преуспѣянія человѣка,—существа богоподобнаго, какъ и проявленіе славы Божіей—безпредѣльныхъ совершенствъ самого Творца и Владыки вселенныхъ—въ дѣлахъ рукъ Его. Кто находится на освѣщенной солнцемъ площади, тотъ не можетъ не испытывать благотворнаго вліянія его свѣта и теплоты: такъ точно и человѣкъ нравственно-чистый и святой, потому правоспособный и достойный общенія съ Богомъ—*Отцемъ свѣтовъ* (Ік. 1, 17), не можетъ не ощущать (отчасти даже здѣсь—на землѣ) свѣтлой радости и полнаго довольства, исходящихъ изъ этого живаго и присно-текущаго Источника истины, блага и красоты. «Истинно любомудрые и боголюбивые, разсуждаетъ св. Григорій Богословъ,—любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра [а], а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ.

а) Это ученіе христіанскаго богослова и отца Церкви, очевидно, совсѣмъ не то, что ученіе стоическаго философа или раціоналиста новаго времени объ отвлеченномъ, такъ сказать, уваженіи

Ибо это уже вторая степень похвальной жизни—дѣлать что-либо изъ награды и воздаянія, а третья—избѣгать зла по страху наказанія» (1 Слово прот. Юліана, въ русск. пер. т. 1, стр. 120). Итакъ любовь къ добру ради красоты самаго добра—вотъ истинная добродѣтель! Но вселенскій учитель и самъ признавалъ это идеаломъ, на землѣ недостижимымъ для человѣческихъ усилій. «Изъ насъ (людей) и тотъ уже совершеннѣйшій (въ нравственномъ отношеніи), продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—кто среди многихъ золъ носитъ въ себѣ немногіе кумиры грѣха, кто, при помощи великаго Бога, храня въ сердцѣ пламенную любовь къ добродѣтели, поспѣшаетъ на высоту, а грѣхъ гонитъ отъ себя прочь, подобно тому, какъ токъ рѣки, влившейся въ другую, быструю, и мутную, и неукротимую рѣку, хотя и смѣшивается съ нею, однакоже превосходствомъ своей чистоты закрываетъ грязный токъ ея. Такова добродѣтель сложнаго (или смертнаго) существа; большее же совершенство предоставлено существамъ небеснымъ» (Слово 9, о человѣч. добродѣтели, т. IV, стр. 251—7), а слѣдовательно и намъ сдѣлается доступно только уже по смерти и будущемъ воскресеніи, *на новомъ небѣ и новой землѣ, въ нихъже будутъ жити* одна *правда* и добро, безъ всякой примѣси лжи и зла (2 Петр. 3. 13).—Такъ мы созданы отъ начала и возсозданы *во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая* (Ефес. 2, 10), чтобы ими свободно и благодарно прославлять Господа Спасителя и чрезъ то вмѣстѣ достигать собственнаго блага и блаженства въ Немъ же и съ Нимъ во вѣки вѣковъ.

Празднуя сегодня шестую годовщину священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, помолимся, братіе соотечественники, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, да исполнятъ Онъ и Избранника

къ закону и отсюда о сухомъ и холодномъ, но высокомѣрномъ въ самомъ подчиненіи своемъ исполненіи требованій его, какъ лишь навязываемаго себѣ человѣкомъ долга.

своего духомъ премудрости, и да укрѣпляетъ силою свыше въ великомъ и многотрудномъ его служеніи къ вожделѣнному благосостоянію государства и Церкви православной. А вмѣстѣ съ тѣмъ, потщимся и сами оказывать достодолжное и искреннее, по убѣжденію христіанской совѣсти, подчиненіе исходящимъ отъ Престола законамъ, преданнѣйшее сочувствіе и содѣйствіе исполненію направляемыхъ къ общенародному благу мѣропріятій, соотвѣтственно званію и состоянію и въ мѣру силъ каждаго изъ насъ. Аминь.

Протоіерей Николай Благоразумовъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 6-го „Душеполезнаго Чтенія“ 1889 года).

Университетская типографія,
на Страстномъ бульварѣ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ Е. И. В. БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА *).

> Тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. 4, 8).

Эти слова мы заимствуемъ изъ посланія св. апостола Павла къ *возлюбленному сыну по вѣрѣ* и ученику его Тимоѳею, который съ истиннымъ самоотверженіемъ раздѣлялъ съ великимъ *апостоламъ языковъ* не только труды апостольскаго служенія, но и узы страданія, и котораго послѣдній поставилъ затѣмъ епископомъ ефесской церкви. Духовный міръ малоазійскихъ христіанъ былъ возмущаемъ тогда *лжеименною философіей* или *знаніемъ* (Колос. 2, 8; 1 Тим. 6, 20), хвалившіеся которымъ учители, стремясь вообще объяснять тайны вѣры изъ началъ разума, подвергали существенному измѣненію и даже извращенію многія важнѣйшія истины христіанства, и—между другими вопросами пытались по-своему рѣшать *нравственно-практическій* вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и средствахъ его духовнаго возвышенія, очищенія, усовершенія, словомъ — спасенія. Какъ же именно? Лжеучители проповѣдывали два совершенно противоположные пути къ достиженію человѣкомъ одной и тойже цѣли, т.-е. возрожденія и возсоединенія его съ Богомъ, одни—путь крайняго воздержанія и самоумерщвленія, другіе же—путь крайняго сластолюбія и распущенности по отношенію къ тѣлу, злоупотребляя христіанскою свободою и мнимо-совершеннѣйшее знаніе ставя несравненно выше, считая гораздо болѣе полезнымъ для человѣка, чѣмъ всѣ требованія нравственнаго закона и дѣйствительное осуществленіе ихъ въ жизни (см. посланія къ ефесянамъ, колоссянамъ и филиппійцамъ, также посланія апп. Петра и Іуды).

Вопреки толкамъ названныхъ учителей апостолъ Христовъ и говоритъ: «тѣлесное обученіе», т.-е. все относя-

---

*) Произнесено 17 февраля 1881 года, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

щееся къ тѣлесной и временной жизни человѣка, «мало полезно»,—имѣетъ временное значеніе, для одного лишь тѣла; «а благочестіе»—истинная вѣра въ Бога и жизнь по этой вѣрѣ—«на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни не только будущей—на небѣ, но и *настоящей*—на землѣ». Благочестіе и довольство тѣмъ, что имѣемъ, поясняетъ онъ еще, составляетъ истинное благо для каждаго отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества; напротивъ недовольство своимъ состояніемъ, стремленіе къ обогащенію можно назвать корнемъ всѣхъ золъ—взаимной вражды и всяческихъ насилій у частныхъ лицъ и разныхъ классовъ государства (6, 6—10). Вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняя всякій поводъ къ раздѣленію въ христіанскомъ обществѣ и ведя всѣхъ къ спасенію путемъ любви и благочинія, апостолъ заповѣдуетъ совершать молитвы за всѣхъ людей, болѣе же всего за держащихъ въ своихъ рукахъ власть, начиная съ самаго царя, потому что подъ счастливымъ и спокойнымъ правленіемъ лучше всего процвѣтаетъ благочестивая жизнь, и люди достигаютъ не только личнаго, но и общественнаго благосостоянія (2, 1—4). Между тѣмъ и въ наше время, когда такъ много заботятся объ образованіи народныхъ массъ и обезпеченіи общественнаго благоустройства и довольства, и въ наше время, говоримъ, какъ въ живыхъ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ произведеніяхъ печати нерѣдко проводятся мысли такого рода, что нравственное чувство, нравоучительныя идеи и правила никогда не имѣли сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ исторіи человѣческаго развитія и благосостоянія, и что единственнымъ творцомъ и двигателемъ ихъ былъ и будетъ умъ и добываемыя имъ дѣйствительныя, примѣнимыя къ практикѣ жизни знанія, открытія и изобрѣтенія.

На первый и поверхностный взглядъ такія мысли или сужденія могутъ казаться и правдоподобными и, пожалуй, основательными; но совершенно не таковы они на самомъ дѣлѣ, при болѣе глубокомъ размышленіи, освѣщаемомъ свѣтомъ Божественнаго откровенія и подтверждаемомъ въ тоже время самымъ опытомъ человѣческой частной и общественной жизни. Нѣтъ, со всею силою ударенія надобно сказать, что и *добрая нравственность составляетъ существенное и непремѣнное условіе*, является всегдашнимъ спутникомъ *истиннаго развитія*, правильнаго употребленія самыхъ пріобрѣтеній ума и науки,

а отсюда *и благосостоянія* какъ отдѣльныхъ *лицъ*, такъ *и* цѣлыхъ *народовъ*.

Справедливо, что наши худые поступки, вообще злоупотребленія и неправильности жизни нерѣдко проистекаютъ отъ невѣдѣнія, отъ неразвитости нашей, и слѣдовательно, сила ума и добываемыя имъ знанія имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ преуспѣянія и благосостоянія человѣческихъ обществъ; но тѣмъ не менѣе унижать нравственныя силы и качества человѣка предъ умственными и объявлять такъ называемый научный прогрессъ единственнымъ двигателемъ въ исторической жизни человѣчества значитъ непростительно заблуждаться, впадать въ крайне-вредную односторонность. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ людей дѣлаетъ хорошими, настоящими людьми, полезными себѣ и другимъ, исключительно или хотя преимущественно количество знаній, добываемыхъ человѣкомъ, ихъ практическая пригодность и степень распространенія въ народной массѣ, а не дѣйствительное нравственное возрожденіе, внутреннее благоустроеніе человѣка, идущее рука объ руку со всесторонпимъ развитіемъ богоподобныхъ силъ его? Такъ, отсюда слѣдуетъ лишь то, что для достойнаго человѣческаго существованія необходимо соединеніе обоихъ условій—умственнаго и нравственнаго развитія, и что для достиженія высокой степени нравственнаго совершенства необходима достаточная степень умственнаго просвѣщенія. Но нужно сказать больше того. Духъ человѣка представляетъ собою организмъ своего рода, составленный изъ силъ и способностей для свойственной ему дѣятельности, какъ и организмъ тѣлесный. Понятіе организма предполагаетъ гармонію; гармонія же состоитъ изъ тоновъ, изъ которыхъ одинъ основной, а прочіе находятся въ согласіи съ нимъ. Подобно этому, и въ самой дѣятельности человѣка долженъ быть основной, направительный тонъ, а прочіе должны обниматься и согласоваться съ нимъ. Такой основной, господствующій тонъ въ дѣятельности человѣка есть именно нравственное начало, которое собственно и сообщаетъ ей истинно-человѣческое достоинство, и оно-то главнымъ образомъ движетъ всю умственную и гражданственную, словомъ—историческую жизнь человѣчества. Сердце, по наблюденію ученыхъ, есть органъ своеобразный, отличный отъ другихъ органовъ нашего тѣла. Тогда какъ большая часть другихъ органовъ

предаются поперемѐнно движенію и покою, сердце всегда дѣятельно: оно бьется отъ первой до послѣдней минуты жизни человѣка; перестаетъ оно биться, и—прекращается жизнь, начинается порча, гніеніе, разложеніе тѣла. Въ организмѣ духа сердце—это религіозно - нравственное чувство, которое держитъ человѣка, такъ сказать, въ средоточіи личности, и не даетъ ему потеряться въ кругу внѣшнихъ, важныхъ и неважныхъ, обыденныхъ занятій.

Оправдывается ли, затѣмъ, опытомъ жизни та мысль будто достаточно для человѣка обладать сильнымъ умомъ и обширными разносторонними познаніями, чтобы разливать вокругъ себя счастіе и содѣйствовать благу людей? Ежедневный опытъ, напротивъ, показываетъ намъ, что знаніе и полное пониманіе людей и разнообразныхъ состояній, въ которыхъ они могутъ находиться, не сопровождаются всегда и непремѣнно дѣятельнымъ участіемъ къ нуждамъ и потребностямъ людскимъ; а между тѣмъ благосостояніе людей, которое должно составлять существенную и единственную цѣль такъ называемой цивилизаціи, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда люди питаютъ другъ къ другу живое, сердечное сочувствіе и готовы оказывать взаимную дѣятельную помощь, радуясь съ радующимися и плача съ плачущими. Бываетъ даже такъ, что люди высокаго ума, которые подробно изучаютъ человѣческую природу, изслѣдуютъ и свои собственныя и чужія чувства, совсѣмъ не любятъ слышать о чужомъ горѣ, или смотрѣть на чужія страданія, потому что они для нихъ непріятны, мучительны, и отстраняютъ отъ себя всякій случай, гдѣ могли бы оказать такую или иную помощь своему ближнему. А односторонняя, исключительная преданность той области знаній, которая чрезмѣру превозносится въ наше время и въ которой преимущественно ожидаются *новыя* открытія и изобрѣтенія практическаго свойства (разумѣемъ естествознаніе вообще), еще болѣе способна, при современномъ направленіи ея, заглушить въ своихъ приверженцахъ нравственно-добрыя, человѣчныя чувства и расположенія и сдѣлать изъ нихъ людей грубыхъ, холодныхъ и жесткихъ. Вообще, повторимъ, умственное развитіе и образованность не влекутъ за собою необходимо образа жизни, соотвѣтственнаго имѣющимся у человѣка вполнѣ яснымъ понятіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ не только въ области

человѣческаго любомудрія, но и самой высшей изъ наукъ—Богословія. Здѣсь возможны даже поразительныя сочетанія противоположностей между знаніемъ и поведеніемъ человѣка, какъ скоро онъ не получилъ правильнаго религіозно-нравственнаго развитія, и не заботится дѣятельность своего ума сообразовать и уравновѣшивать съ добрыми чувствованіями своего сердца и такими же стремленіями своей воли.

Тоже самое, т.-е. что при несомнѣнномъ умственномъ развитіи людей и богатомъ запасѣ разнаго рода свѣдѣній возможно отсутствіе доброй нравственности, и что это явленіе неизбѣжно сопровождается гибельными для нихъ послѣдствіями,—тоже самое подтверждается и болѣе широкимъ опытомъ исторической жизни народовъ. Исторія указываетъ намъ не мало такихъ періодовъ въ жизни дохристіанскаго и христіанскаго міра, которые представляютъ собою поразительное сочетаніе нравственнаго упадка съ высокимъ уровнемъ умственной и вмѣстѣ гражданственной жизни. Паденіе древнихъ Греціи и Рима было прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ нравственнаго разслабленія и извращенія грековъ и римлянъ. А столь просвѣщенный XVIII вѣкъ нашъ, въ концѣ концовъ вѣроломно поправшій все святое и дерзко наругавшійся надъ самыми дорогими для человѣчества чувствами и стремленіями во имя разума! Народъ есть тоже многочисленная нравственная личность и также предназначенъ къ нравственнымъ цѣлямъ, къ осуществленію въ своей жизни великихъ и мудрыхъ плановъ Верховнаго Міроправителя. Самое блестящее умственное развитіе, какъ скоро оно не соединяется съ обузданіемъ дурныхъ страстей и склонностей во имя правды и любви, есть не болѣе какъ призракъ, и для того народа нѣтъ спасенія, въ которомъ извратились и поколебались самыя основы нравственности: ибо единственно лишь нравственная стихія способна направлять къ общему благу и накопленіе знаній, и выборъ ихъ, и распредѣленіе въ средѣ народной; при достаточной же нравственной здравости и твердости народъ не падетъ, устоитъ на историческомъ поприщѣ хотя бы и постигали его, время отъ времени, какія либо внѣшнія бѣдствія и невзгоды.—Напрасно говорятъ при этомъ, будто люди нравственно-добродѣтельные, но недостаточно образованные всегда производили много зла въ мірѣ. А что производили и производятъ люди даро-

витые и многосвѣдущіе, но порочные, — не гораздо ли большее еще зло? Вспомнимъ только о кровожадныхъ завоевателяхъ и властолюбивыхъ деспотахъ древняго и новаго времени: эти просвѣщенные варвары находили для себя человѣческое наслажденіе въ безпощадномъ истребленіи у покоренныхъ ими народовъ памятниковъ наукъ и искусствъ, благотворительности и самой святыни. И кого же выставляютъ намъ въ примѣръ нравственно-добродѣтельныхъ, хотя мало развитыхъ людей?—Религіозныхъ гонителей и мучителей, у которыхъ чистое нравственное чувство совершенно заглушено и превращено въ слѣпое орудіе страсти, и которые скорѣе должны быть названы духовно-больными и прямо безнравственными людьми: ибо подъ вліяніемъ той или другой страсти самый умъ нашъ теряетъ чувство правды, и склоняетсякъ тому, чтобы бѣлое называть чернымъ, а черное бѣлымъ. Такимъ образомъ, одинъ умъ, при самыхъ многосторонних познаніяхъ, не только не предохраняетъ человѣка отъ развитія въ немъ разныхъ дурныхъ качествъ, препятствующихъ человѣческому преуспѣянію и взаимному довольству, но еще способствуетъ ихъ укоренению и даже оправданію. Истинно, *благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: и злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. 6, 45).

Далѣе, хотятъ отрицать всякое вліяніе и значеніе въ дѣлѣ развитія и благосостоянія человѣческихъ обществъ нравоученія и нравственной дѣятельности людей потому, что нравоучительныя идеи и правила, въ противоположность умственнымъ понятіямъ, научнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, неподвижны сами по себѣ и неизмѣнно передаются изъ вѣка въ вѣкъ, что нравственныя дѣянія людей отличаются личнымъ и одиночнымъ характеромъ, и что плоды нравственнаго развитія человѣчества не могутъ, будтобы, переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ преданія, по наслѣдству. Но вѣдь во всѣхъ областяхъ и родахъ человѣческаго знанія можно указать много такого, что остается неизмѣннымъ по своей сущности изъ вѣка въ вѣкъ, и только мѣняетъ, по временамъ, свою внѣшнюю форму и способъ выраженія. Такъ главнѣйшія направленія современной намъ, противохристіанской философіи (матеріализмъ, позитивизмъ, пессимизмъ и т. д.), развѣ не были извѣстны, въ своихъ основныхъ началахъ, къ стыду нашему, еще дохристіанскому міру? Даже уче-

ше о преобладающемъ значеніи умственнаго развитія предъ нравственнымъ для преуспѣянія человѣчества проповѣдывалось не только современными апостоламъ еретиками, какъ мы видѣли, но еще древне-греческими философами и гораздо раньше — китайскими и индійскими мудрецами. И въ самой наукѣ, видно, почти не бываетъ ничего новаго подъ луною; новыя понятія возникаютъ изъ старыхъ, исправляя и развивая ихъ и то не всегда къ лучшему, и никогда не зарождаются такъ сказать самопроизвольно, какъ ничто не зарождается самопроизвольно и въ живомъ мірѣ природы. Тѣмъ больше находится—и должно находиться—общаго, близкаго, сроднаго въ нравственныхъ ученіяхъ—христіанскомъ, древне-іудейскомъ и даже языческомъ. Это потому, что «душа человѣка по самой природѣ своей христіанка», какъ прекрасно выразился одинъ изъ древнихъ учителей церкви (Тертулліанъ), т.-е. вопервыхъ въ глубинѣ души всякаго—и естественнаго человѣка коренятся требованія тѣхъ началъ нравственной дѣятельности, которыя указаны, и стремленіе къ тѣмъ благамъ, которыя доставлены роду человѣческому христіанствомъ;—вовторыхъ христіанство и не имѣло въ виду сообщить, и дѣйствительно не сообщило людямъ того, что было бы неестественно, несвойственно имъ, или невозможно для нихъ. Отсюда и понятно, что неудовлетвреніе или ложное, неправильное удовлетвореніе нравственныхъ потребностей и стремленій нашего духа неизбѣжно должно влечь за собою тѣже страданія для нравственной личности человѣка, какими сопровождается неудовлетвореніе или опять неправильное удовлетвореніе всякихъ другихъ нашихъ потребностей, чувствованій, желаній: ибо тогда человѣкъ идетъ противъ собственной своей природы, оскорблять собственную свою совѣсть,—этого внутренняго судію и отмстителя зла. А на тѣсную связь внѣшне-положительнаго, новозавѣтнаго ученія съ ветхозавѣтнымъ ясно указывалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, приходившій *не разорити законъ, или пророки, но исполнити* (Матѳ. 5, 17). Но нравственная дѣятельность наша слагается изъ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней, изъ видимаго дѣйствія и изъ душевнаго настроенія, или расположенія при совершеніи этого дѣйствія, и движущихъ человѣкомъ побужденій къ нему, и послѣдними-то собственно придается или отнимается нравственное достоинство отъ человѣческой дѣятельности. Поэтому

съ внѣшняго вида, по буквѣ, по формѣ, нравственныя правила и нравственная дѣятельность различныхъ временъ и народовъ, даже христіанскихъ и языческихъ, могутъ имѣть между собою большое сходство, но по внутреннему содержанію, по духу и основному направленію своему онѣ будутъ такъже далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Если, напримѣръ, мудрецъ, по ученію одного изъ древнихъ правоучителей Востока (Лао-тзе), не долженъ стремиться къ славѣ, но лишь для того, чтобы не возбуждать зависти и ссоры въ другихъ людяхъ, то это, очевидно, не особенно высокая ступень нравственнаго воззрѣнія, хотя на первый взглядъ она и можетъ показаться такою. Если онъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ не собирать земныхъ сокровищъ, но это для того, чтобы они не служили приманкой для воровъ, то кто найдетъ тутъ сходство съ христіанскою нестяжательностью? Если мудрецъ, по томуже ученію, долженъ воздавать за оскорбленія благодѣяніями, но опять не изъ почтительности или любви къ оскорбившему его ближнему, равно не изъ чувства долга по отношенію къ божественной заповѣди, а единственно изъ самолюбія, для того, чтобы не разстроивать покой своего духа,—то есть ли въ этомъ хотя тѣнь подобія христіанской заповѣди о самоотверженной, всепрощающей любви къ врагамъ? Или еще, напр., геніальные и замѣчательнѣйшіе мыслители древней Греціи (Платонъ и Аристотель) не стыдились внушать своимъ современникамъ, что низшіе классы общества существуютъ лишь для того, чтобы удовлетворять потребностямъ высшихъ классовъ и безусловно подчиняться имъ, что занятія, требующія физическаго напряженія, унижаютъ человѣка, что бѣдные ничего не заслуживаютъ, кромѣ презрѣнія, что рабство вполнѣ законно и необходимо въ благоустроенномъ государствѣ, что добродѣтели женщины суть добродѣтели рабовъ, что дѣтоубійство позволительно и т. п. Есть, и не малая, какъ извѣстно, разница въ этомъ отношеніи и между нравоученіемъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ, Моисеевымъ и Христовымъ: тогда какъ по первому преобладающее значеніе въ нравственной области заключается во внѣшнихъ поступкахъ, въ исполненіи частныхъ предписаній закона, отдѣльныхъ заповѣдей, по второму оно лежитъ во внутреннемъ настроеніи человѣка, въ общемъ расположеніи души его, въ побужденіяхъ и цѣляхъ, руководящихъ имъ при осу-

ществленіи требованій нравственнаго закона, или, говоря словами Златоустаго учителя, «Богъ обыкновенно назначаетъ вѣнцы, взирая не на конецъ подвиговъ, а на расположеніе подвизающихся» (Бес. на 1 посл. Кор. стр. 46). Съ другой стороны, не замѣчается ли нѣкоторое и естественное улучшеніе правилъ нравственнаго поведенія людей, какъ они выражаются въ обычаяхъ различныхъ дикихъ народовъ, не вступавшихъ еще на историческое поприщѣ, и въ законахъ народовъ, достигшихъ въ той или другой мѣрѣ умственнаго образованія и гражданскаго устройства, насколько послѣдніе могли возвыситься въ нравственномъ отношеніи внѣ вліяній откровеннаго ученія? Но намъ, ученикамъ совершеннѣйшей истины Христовой, тѣмъ болѣе нѣтъ нужды ждать какихъ нибудь *новыхъ* открытій относительно законовъ человѣческаго поведенія, потому что до сихъ поръ люди не только не исчерпали и не воплотили въ своей — частной и общественной—жизни возвышенныхъ и чистѣйшихъ требованій христіанской нравственности, но часто идутъ наперекоръ имъ; неизмѣнныя сами въ себѣ и руководительныя, евангельскія начала правды, любви и свободы всегда будутъ стоять впереди всѣхъ успѣховъ человѣчества въ его нравственномъ совершенствованіи, слѣдовательно выше идеаловъ всякаго времени, какимъ бы высокимъ просвѣщеніемъ ни отличалось оно, и какъ бы ни измѣнялись въ немъ условія жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ.—Напрасно говорятъ при этомъ, что нравственныя дѣянія отличаются личнымъ и одиночнымъ характеромъ, такъ что здѣсь каждый начинаетъ дѣло снова, и что плоды нравственнаго развитія человѣчества не могутъ быть передаваемы потому изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ и отцовъ къ внукамъ и дѣтямъ. Конечно, нравственность не можетъ быть передаваема столь же прямо и не посредственно, какъ могутъ передаваться научныя познанія, и въ этомъ состоитъ высокое значеніе и достоинство нравственности, которая обусловливается свободою и самодѣятельностью человѣческой личности; тѣмъ не менѣе изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто жизнь истинно-благочестиваго и доблестнаго человѣка проходитъ безслѣдно и для его современниковъ, и для его потомковъ, не производя на нихъ никакого вліянія. Какъ камень, при паденіи въ воду, производитъ круги, которые перекрещиваются съ тысячью другихъ, и человѣческій

глазъ не въ состояніи различить ихъ предѣлы: такъ точно дѣяніе человѣка — и особенно нравственно-высокой, святой личности — производитъ своего рода возбужденіе въ обществѣ, и его послѣдствія, видимыя и осязаемыя для стоящихъ вблизи, никогда не остаются безъ вліянія на будущее и нерѣдко отдаленнѣйшее потомство. Кому неизвѣстно вообще могущественное вліяніе примѣра, невольно подчиняющее себѣ иногда самые сильные умы? Кто не знаетъ, что мужество, великодушіе, самопожертвованіе и т. д. одного человѣка передается иногда какъ электрическая искра, даже тѣмъ, которые сами по себѣ вовсе неспособны къ такимъ порывамъ чувства? Такимъ образомъ, старшія поколѣнія,—намѣренно и ненамѣренно, чрезъ поученіе и живой примѣръ добро-нравственной дѣятельности (равно и наоборотъ), — передаютъ свое направленіе и свои свойства возрастающимъ среди нихъ молодымъ поколѣніямъ,—и вотъ становится возможнымъ общее, преемственное, нравственное развитіе и преуспѣяніе народовъ. Такъ, въ частности, и нашъ русскій народъ не стоялъ въ теченіи своей исторической жизни на одномъ и томъже уровнѣ нравственныхъ воззрѣній и понятій... Общественное сознаніе нашего времени выдвигаетъ другія, болѣе широкія и сложныя, задачи сравнительно съ прежнимъ временемъ, и требуетъ новыхъ, какъ обыкновенно выражаются нынѣ, идеаловъ жизни, съ инымъ строемъ и направленіемъ, чѣмъ какіе предносились нашимъ предкамъ,—хотя едва ли мы отважимся утверждать, что далеко превзошли ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, благодаря большему нашему умственному просвѣщенію и гражданской развитости.

Итакъ, вопреки всѣмъ крайнимъ и вреднымъ точкамъ лженменнаго знанія древняго и новаго времени, да храпимъ въ себѣ твердо, братіе-христіане, ту непреложную истину, что только распространеніе христіанскихъ нравственныхъ началъ и глубокое проникновеніе ихъ въ общественно-народную жизнь можетъ направить къ добру самую умственную дѣятельность людей, установить любвеобильныя и взаимно-довѣрчивыя отношенія между властію и подчиненными ей, оградить чужія права и свободу, устроить и обезпечить общій покой и довольство, побуждая насъ отъ чистаго сердца воздавать всѣмъ должное, помогать слабымъ и нуждающимся, милосердовать и щадить даже враговъ своихъ. *Ищите прежде царствія Божія и прав-*

ды его, говорилъ Господь и Спаситель нашъ, т.-е. болѣе всего заботьтесь объ удовлетвореніи высшихъ, духовныхъ, нравственныхъ стремленій и потребностей вашихъ—личныхъ и общественныхъ,—*и сія вся*,—чего люди въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій напрасно добивались для себя и—увы! добиваются и теперь внѣ христіанства,—*приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). Вмѣстѣ съ тѣмъ помолимся, братіе-соотечественники, особенно въ нынѣшній столь знаменательный для всей родной Россіи день, согласно наставленію апостола Христова и по руководству святой матери нашей—церкви православной, да даруетъ Господь Богъ благочестивѣйшему Государю Императору нашему «благопоспѣшество Моисеево, мужество Давидово и мудрость Соломонову, во еже непоползновенно проходити ему великое свое служеніе, и во всей благочестивой державѣ его—пастыремъ святыню, правителемъ судъ и правду, народу миръ и тишину, законамъ силу и самой вѣрѣ преспѣяніе». Аминь.

Прот. Николай Благоразумовъ.

(Изъ Март. книжки Душеполз. Чтенія 1881 года.)

Печатать позволяется. Москва. Февраля 27 дня 1881 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ

ЗАСЛУГИ СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ СВ. МЕѲОДІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОРАВСКАГО, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ (6 АПРѢЛЯ 1885 г.). *)

Священную двоицу просвѣтителей наших почтимъ (Кондакъ).

Въ 1869 году исполнилось тысячелѣтіе блаженной кончины одного изъ христіанскихъ первоучителей Славянъ св. Кирилла, имѣвшаго санъ пресвитера; а въ нынѣшнемъ году исполняется тысячелѣтіе блаженной кончины другаго, старшаго брата, св. Меѳодія, *перваго* архіепископа Панноно-Моравскаго. При воспоминаніи имени каждаго изъ нихъ въ отдѣльности какъбы невольно воспоминяются они оба вмѣстѣ; жизнь и подвиги одного изъ нихъ, естественно, вызываютъ у насъ глубоко-благодарныя мысли и чувства о совокупной ихъ дѣятельности для духовнаго просвѣщенія Славянъ. «Се, брате, супруга бяховѣ, единую бразду тяжаща» (трудились мы съ тобою какъ пара воловъ подъ ярмомъ, воздѣлывая одно поле), говорилъ уже на смертномъ одрѣ Кириллъ, обращаясь къ брату своему Меѳодію. Такъ, поистинѣ, жизнь и дѣятельность свв. апостоловъ и просвѣтителей Славянъ были единодушно общи и нераздѣльны. Посему-то православная восточная Церковь, прославляя каждаго изъ нихъ въ отдѣльности (14 февр. и 6 апр.), прославляетъ при этомъ обоихъ вмѣстѣ, и установила даже нарочитый день (11 мая), въ который творитъ ихъ общую память. Недавно и западная латин-

*) Сказано въ церкви Московской Духовной Семинаріи.

ская церковь торжественно провозгласила Кирилла и Меѳодія «святыми», такъ что память ихъ, по своему календарю нѣсколько раньше насъ, праздновали и Славяне—католики.

Святые первоучители Славянъ, *глаголавшіе* имъ *слово Божіе* (Евр. 13, 7) на родномъ, живомъ и общедоступномъ языкѣ, послужили тѣмъ и дѣлу собственно Церкви, и дѣлу славянскаго просвѣщенія, а чрезъ то самаго гражданско-общественнаго благоустройства. И мы—русскіе—имѣемъ счастіе принадлежать къ великой семьѣ славянскихъ народовъ, и—посредственно наслѣдовали во всей полнотѣ драгоцѣнные труды равноапостольныхъ *наставниковъ* Кирилла и Меѳодія. Остановимся же нѣсколько долѣе на помянутыхъ незабвенныхъ, безсмертныхъ заслугахъ святыхъ братьевъ Солунскихъ для Церкви и общества нашего, особенно близкихъ намъ съ вами, братія, какъ дѣятелямъ и питомцамъ духовной школы.

Отъ свв. Кирилла и Меѳодія мы приняли въ переводѣ съ греческаго на славянскій языкъ не только книги священнаго писанія, но и всѣ важнѣйшія и изъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ, тотчасъ же по озареніи Русской земли свѣтомъ христіанской вѣры, какъ и до сихъ поръ, весь чинъ православнаго восточнаго богослуженія началъ совершаться у насъ на родномъ, общепонятномъ, особенно для нашихъ предковъ, славянскомъ языкѣ,—чѣмъ былъ положенъ первый, такъ сказать, камень самостоятельной Церкви славянской, съ ея соборнымъ началомъ управленія. Больше этого благодѣянія намъ никто не могъ оказать, потому что выше сокровища православной вѣры на землѣ для насъ нѣтъ и быть не можетъ. Привычка въ употребленіи дѣлаетъ насъ равнодушными къ самымъ возвышеннымъ, дорогимъ сердцу предметамъ: такъ же привычка въ чтеніи Слова Божія и слушаніи богослуженія, даже самой божественной литургіи, можетъ быть, не довольно сильно дастъ намъ чувствовать всю драгоцѣнность, всю благотворность церковно-славянскаго языка съ его неподъ-

ражаемымъ величіемъ, силой и святою красотой. Но послушайте, что говоритъ нашъ историкъ-бытописатель, пр. Несторъ лѣтописецъ о Моравскихъ Славянахъ, впервые услышавшихъ понятную проповѣдь своихъ апостоловъ и учителей: «ради же быша словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ». И какъ имъ было не радоваться, когда прежде того, не зная латинскаго языка, они принуждены были однакожь слушать больше латинскихъ и нѣмецкихъ проповѣдниковъ, которыхъ совсѣмъ не разумѣли,—когда, еще болѣе, эти проповѣдники не стыдились внушать имъ, что на славянскомъ-то языкѣ и нельзя молиться: Богъ не услышитъ такой молитвы? Посмотрите и въ наше время на Славянъ южныхъ—болгаръ и сербовъ, еще недавно стонавшихъ, а по мѣстамъ и доселѣ стонущихъ подъ чужеземнымъ игомъ, съ какимъ горячимъ усердіемъ домогались, какими жертвами покупали они право совершать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, и съ какимъ восторгомъ и вмѣстѣ признательностью къ своимъ освободителямъ, какъ о необыкновенной милости Божіей къ нимъ, сказывали потомъ въ слухъ всего міра, что они слышатъ уже у себя въ святыхъ храмахъ родную рѣчь. Сытый естественнымъ хлѣбомъ не въ состояніи понять мучительной алчбы голоднаго: тоже самое бываетъ и въ отношеніи къ духовной пищѣ Слова Божія. Всю силу утѣшенія слышать свое родное богослуженіе можетъ ощущать тотъ, кто бы напр. нѣсколько лѣтъ прожилъ безъ него въ чужихъ краяхъ, и потомъ снова возвратился на свою родину, пришелъ въ знакомый ему съ дѣтства храмъ. Возблагодаримъ же всѣ Господа, что мы владѣемъ столь драгоцѣннымъ даромъ, какъ даръ Слова Божія и церковнаго богослуженія, слышимыхъ нами на родномъ языкѣ, всегда и вездѣ безпрепятственно, и помолимся святымъ отцамъ нашимъ Кириллу и Меѳодію, истинно *родившимъ* насъ *благовѣствованіемъ* Христовымъ (1 Кор. 4, 15), чтобы никогда не приходило на насъ грозное слово пророческое

о гладѣ слышанія слова Господня (Амос. 8, 11), когда люди и желали бы услышать Слово Божіе, но не будутъ уже имѣть возможности къ тому.

Передавъ намъ на родномъ языкѣ ученіе Слова Божія и кругъ богослуженія церковнаго, приснопамятные переводчики ихъ сдѣлались чрезъ то родоначальниками самобытной славянской письменности, первыми и главными виновниками всей нашей грамотности или литературы, словомъ—всей нашей науки. Уже въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ, начертанныхъ «не мертвыми и убивающими, какъ прежде, но словомъ евангельской проповѣди отъ начала оживленными и животворящими», славянскими письменами, наши предки, подобно вдругъ прозрѣвшимъ слѣпцамъ, увидѣли неисчерпаемый источникъ нравственно-возвышенныхъ понятій, нашли богатую сокровищницу идеально-чистыхъ и благородныхъ образовъ, и съ полнымъ благоговѣніемъ къ предметамъ Божественнаго откровенія и церковнаго устройства, всецѣло отдались умомъ и сердцемъ изученію этихъ послѣднихъ. Впродолженіи цѣлыхъ столѣтій, какъ извѣстно, для всѣхъ, и духовныхъ и свѣтскихъ людей, у насъ существовала одна наука—религіознаго содержанія или направленія; употребляла она и одинъ общій языкъ—церковно-славянскаго характера. Сами великіе князья и древніе цари наши, даже царицы, съ рѣдкимъ усердіемъ занимались списываніемъ книгъ священно-библейскихъ и переводовъ твореній свв. отцевъ и учителей Церкви, и высокимъ духомъ церковнославянскаго языка,—духомъ правды, силы и святой красоты выраженія—печатлѣются многія изъ лучшихъ произведеній позднѣйшихъ писателей до самаго послѣдняго времени. Вотъ гдѣ—въ трудахъ богоизбранныхъ и богопросвѣщенныхъ первоучителей славянскихъ лежало основаніе послѣдующаго тысячелѣтняго просвѣщенія Руси въ духѣ православія и народности! Вотъ что служило залогомъ нашего теперешняго умственнаго и нравственнаго, а вмѣстѣ и граж-

данственнаго развитія и могущественнымъ орудіемъ духовно-національной самозащиты! Такъ не позволимъ себѣ никогда забывать, что всѣмъ богатствомъ самостоятельной духовной жизни своей мы обязаны прежде всего свв. Кириллу и Меѳодію, и всегда пребудемъ благоговѣйно-признательными къ священной ихъ памяти.—Нынѣ, правда, условія и отношенія общественной жизни нашей значительно измѣнились, сдѣлались гораздо сложнѣе и разнообразнѣе; теперь и личное положеніе каждаго изъ насъ, и выгоды самого государства требуютъ отъ насъ болѣе многосторонняго знанія и искусства. И мы, такъ сказать, пресыщены опять разнообразіемъ и изысканностью формъ въ произведеніяхъ словесныхъ и художественныхъ всякаго рода. Но вотъ простой народъ нашъ и теперь начинаетъ, съ благословеніемъ Божіимъ, учиться грамотѣ по тойже азбукѣ—«Кирилицѣ», и, научившись читать, спѣшитъ брать въ руки тѣже славянскіе Часословъ и Псалтирь. Нашъ священный долгъ быть внимательными къ духовнымъ нуждамъ *меньшихъ братій* нашихъ, и, вопреки желанію нѣкоторыхъ воспитывать народъ почти исключительно на однѣхъ свѣтскихъ книгахъ, стараться, по возможности, удовлетворять требованіямъ его простаго ума и добраго сердца частными и общими мѣрами, дома и въ школахъ народныхъ, къ чему нарочито призывается духовенство *новымъ* законоположеніемъ о церковно-приходскихъ школахъ. Съ другой стороны, необходимость многосторонняго современнаго образованія побуждаетъ насъ многое по разнымъ отраслямъ науки заимствовать у другихъ народовъ, которые исторически жили долѣе насъ и потому свѣдущѣе и опытнѣе насъ. Да сохранитъ всѣхъ насъ Господь, при этихъ заимствованіяхъ, отъ увлеченія *различными и странными ученіями* лжемудрой *философіи*, водящейся *преданіями человѣческими* и суетными *началами* (*стихіями*) *міра* (Евр. 13, 9; Колос. 2, 8), и противными духу Церкви православной и самой народности нашей. Постараемся остать-

ся навсегда вѣрными святому завѣщанію великихъ наставниковъ нашихъ Кирилла и Меѳодія, которые и сами много потерпѣли во время благовѣстническаго служенія ихъ славянскимъ народамъ за чистоту истины Христовой и самобытности Славянъ, и намъ передали ту и другую во всей цѣлости, полнотѣ и силѣ. Вы же, «апостоломъ единоправніи и богомудріи учителіе наши, молите Владыку всѣхъ вся языки словенскія утвердити въ православіи и братскомъ единомысліи, противъ враждующихъ имъ, умирити и благоустроити весь христіанскій міръ, да вси, въ духѣ правды и любви, единѣмъ сердцемъ и единѣми усты славятъ и воспѣваютъ Отца и Сына и Св. Духа!»

Прот. Николай Благоразумовъ.

(Изъ майской книжки Душепол. Чтенія 1885 года).

Печатать позволяется. Москва. Апрѣля 30 дня 1885 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Матѳ. 11, 28)

Эти слова божественной любви и утѣшенія, — какъ и все вообще ученіе Христово, обращены и къ частнымъ, отдѣльнымъ лицамъ, и къ цѣлымъ племенамъ и народамъ, и обѣщаютъ принести тѣмъ и другимъ сколько естественное, внѣшнее, гражданское, столько же внутреннее, духовное, благодатное удовлетвореніе и успокоеніе. Ими Господь и Спаситель нашъ утѣшалъ и ободрялъ современное Ему поколѣніе іудеевъ, надъ которымъ тяготѣло чужеземное иго — римское, подобно тому, какъ во время княженія святаго героя Невскаго тяготѣло надъ нашими предками Монгольское иго и какъ до послѣдняго времени тяготѣло, да и теперь еще тяготѣетъ надъ частію единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ племенъ славянскихъ тоже «бесерменское» иго. Этими словами Онъ ободрялъ и утѣшалъ, какъ и нынѣ ободряетъ и утѣшаетъ, всѣхъ грѣшниковъ, борющихся съ своими грѣховными влеченіями и страстями, равно всѣхъ заблуждающихъ, мятущихся духомъ отъ своихъ религіозныхъ сомнѣній, лжевѣрія или даже невѣрія, всегда готовый подать имъ вседѣйственную благодатную помощь. «О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа, пресладкій и всещедрый Іисусе»!

Празднованіе нынѣшняго дня, съ одной стороны, обращаетъ наши воспоминанія къ средневѣковому періоду исторіи русскаго народа и его церкви, когда онъ внѣшне-гражданскн самъ страдалъ отъ тяжкаго ига враговъ креста

---

*) Произнесено въ храмѣ Христа Спасителя, 30 августа 1883 г.

Христова, а вмѣстѣ съ тѣмъ среди него стали уже являться заблуждающіе и прямые лжеучители; съ другой стороны, устремляетъ наши мысли къ настоящему времени, къ современному состоянію русскаго государства и въ немъ церкви православной, когда онѣ, слава и благодареніе Господу Богу, сами могутъ и единодушно считаютъ своимъ призваніемъ ходить на освобожденіе единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ отъ тогоже злаго всеподавляющаго ига (какъ было много разъ для грековъ и славянъ), а вмѣстѣ опять на нивѣ церковной, среди чистой пшеницы православія, продолжаютъ расти прежніе и даже нараждаются вновь дикіе плевелы.

Можно провести параллель въ историческомъ теченіи естество-философскихъ и религіозно-церковныхъ ученій. Какъ между первыми существовали и существуютъ извѣстныя, односторонніе и крайніе направленія—такъ называемое *идеалистическое*, ограничивающее, искажающее и даже совсѣмъ отрицающее силы и свойства внѣшняго видимаго міра и тѣла человѣческаго, и *матеріалистическое*, ограничивающее, извращающее и даже совсѣмъ не признающее бытія духовнаго міра вообще, силъ, свойствъ и потребностей души человѣческой въ частности: подобно этому и между церковными лжеученіями, появлявшимися у насъ (какъ и въ древне-вселенской церкви) прежде и появляющимися въ настоящее время, не трудно различить также два односторонніихъ и крайнихъ вида — *духоборческое*, замыкающееся исключительно во внутреннемъ чувствѣ и самообольщенно пренебрегающее внѣшне-церковными постановленіями и учрежденіями, и, обратно, исключительно *обрядовое*, слѣпо привязанное къ буквѣ и видимой внѣшности, съуживающее и изсушающее разумъ и чувства духа.

Монголы, спачала язычники, а потомъ магометане, тяготѣли надъ Россіей своею матеріальною силой и довольствуясь собираемой съ народа данью, не касались прямо его вѣры и порядковъ отечественной церкви, какъ и законовъ государства. Но для восточнаго деспота, особенно по отношенію къ покореннымъ имъ, еще болѣе нѣ-

племенникамъ и иновѣрцамъ, нѣтъ ничего священнаго и постояннаго, все зависитъ — держится и отмѣняется, при случаѣ, по его необузданному безотчетному произволу. Поэтому при всемъ видимомъ уваженіи къ церкви и служащему ей духовенству, монголы не рѣдко дозволяли себѣ оскорблять такъ или иначе святыню русскаго народа, грабить и разрушать самые храмы наши. Въ тоже время по своему грубѣйшему невѣжеству, они нисколько не зная цѣны образованію, варварски уничтожали школы и библіотеки, и такимъ образомъ лишали русскій народъ почти всякихъ средствъ къ довольно успѣшно-было распространявшемуся просвѣщенію. Съ другой стороны, благодаря внутренней удѣльной неурядицѣ, властолюбію и соперничеству собственныхъ князей, сторонники того либо другаго изъ нихъ, одолѣвая противника, также иногда дозволяли себѣ паругаться надъ чужеприходной, такъ сказать, святыней, похищать церковныя сокровища, даже разворять самыя церкви. Все это, взятое въ совокупности, должно было препятствовать истинному религіозно-нравственному развитію русскаго народа, болѣе глубокому вниканію и пониманію евангельскаго ученія и богослуженія церковнаго, болѣе сердечному, благоговѣйному отношенію къ священнымъ предметамъ, равно воспитанію въ себѣ чувства уваженія къ убѣжденіямъ и чувствамъ другихъ. И вотъ въ данный періодъ времени, мы видимъ, многіе изъ русскихъ людей, не исключая самихъ князей и бояръ, больше всего заботятся какъбы о количественномъ только исполненіи внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ и извѣстныхъ нравственныхъ подвиговъ, не заботясь о дѣйствительномъ просвѣщеніи своего ума отъ слушаемаго или читаемаго ими божественнаго писанія и пѣснопѣній церковныхъ, о дѣйствительномъ очищеніи и умягченіи своего сердца совершаемыми ими подвигами благочестія; напротивъ, подъ вліяніемъ всерастлѣвающаго рабскаго ига, и сами они, очень не рѣдко употребляли лесть и пресмыкательство предъ сильными, грубое насиліе надъ честью, имуществомъ и даже жизнью слабыхъ, вѣроломно нарушаютъ клятву изъ-за

своихъ друзей, прибѣгаютъ къ явной и злостной клеветѣ на враговъ и т. п. Впрочемъ эти уклоненія отъ служенія Богу духомъ и истиною, и односторонне-исключительная привязанность къ внѣшнимъ религіознымъ обрядамъ и наружнымъ подвигамъ благочестія, въ ущербъ истинно христіанскому самоисправленію и совершенствованію, у многихъ изъ нашихъ предковъ того времени такъ и оставались уклоненіями, которыя были строго обличаемы отъ современныхъ пастырей и которыя не сопровождались, конечно, какимъ-либо противленіемъ церкви или отдѣленіемъ отъ нея, какъ впослѣдствіи времени, какъ въ настоящее время. Теперь же, какъ всѣмъ извѣстно, у насъ продолжаютъ существовать и даже размножаются самозванныя общества и секты, члены которыхъ именуютъ себя по преимуществу любителями и охранителями церковно-народной старины, «древняго благочестія и отеческихъ преданій», утверждаютъ, «будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ», или поставить и молиться иконѣ новаго писанія, «непозволительно и противно православію» *), и, съ другой стороны, изъ-за видимо тѣлесныхъ упражненій въ молитвѣ, постѣ и другихъ подвигахъ благочестія, какъбы забываютъ о духѣ и духовныхъ жертвахъ Богу, и самый образъ Божій у человѣка (иные) склонны полагать въ извѣстномъ наружномъ его обликѣ. Самочинны всѣ эти общества и секты, незаконны пастыри или вообще предводители ихъ, мнимо спасительны совершаемыя ими священнодѣйствія, а потому суетна ихъ надежда на спасеніе: да отверзетъ же имъ, недавно получившимъ еще большую свободу въ отправленіи любимыхъ ими обрядовъ богослуженія, Господь умъ лучше уразумѣть божественное и церковное писаніе, да возбудитъ Своею благодатію сердце — покаяться въ ихъ заблужденіяхъ, и да дастъ имъ возвратиться въ ограду, такъ нерѣдко оскорбляемой ими, но всегда неизмѣнно любящей

*) Изъ Слова м. Филарета въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія, говореннаго 1837 г.

ихъ, скорбящей и молящейся о нихъ матери—церкви православной!

Но въ противоположность односторонней и недостаточно разумной привязанности къ внѣшнимъ уставамъ и обрядамъ церковнымъ у однихъ, въ данный періодъ времени развилась, какъ всегда бываетъ, другая крайность—почти совершеннаго отрицанія этихъ уставовъ и обрядовъ. Сначала въ предѣлахъ Псковской, затѣмъ и Новгородской областей, гдѣ нѣкогда имѣлъ свой удѣлъ прославляемый нами нынѣ, благовѣрный князь Александръ, во второй половинѣ XIV столѣтія явились лжеучители *), которые стали отрицаться отъ законныхъ пастырей церкви и совершаемыхъ ими службъ и таинствъ, провозглашая къ соблазну не только простыхъ, но и образованныхъ людей, будто право учительства одинаково принадлежитъ и мірянамъ, а священнодѣйствія вовсе даже не нужны и излишни. Столь пагубное лжеученіе немедленно было обличено и осуждено пастырями не только русской, но вмѣстѣ и греческой церкви, а сами лжеучители подверглись отлученію. Народный же судъ надъ главными ересеначальниками выразился проще и рѣзче, хотя и въ духѣ вѣка: ихъ схватили и бросили въ рѣку Волховъ. Тогдашній московскій святитель (митрополитъ Фотій), похваляя ревность по вѣрѣ новгородцевъ, однако укорялъ ихъ за смертныя казни еретикамъ. Такъ совершились въ то время судъ и расправа надъ названнымъ лжеученіемъ и самими виновниками его, и пресѣченъ былъ ложный путь къ совращенію съ пути истины православныхъ чадъ церкви! Но не повторялись ли у насъ подобныя заблужденія въ послѣдующіе вѣка, не возраждаются ли подобныя лжеученія и въ наше время? Да, въ наши именно дни, среди высшаго и образованнаго класса, находятся люди, которые не любятъ участвовать въ общественномъ богослуженіи съ своими присными по вѣрѣ и поучаться здѣсь читаемому и поемому на родномъ языкѣ; а съ бо́льшимъ сочувствіемъ и усердіемъ внимаютъ

*) Извѣстные въ исторіи русской церкви подъ именемъ „стригольниковъ“.

иностраннымъ и инославнымъ проповѣдникамъ, вмѣстѣ съ ними задаются какимъ-то нарочитымъ и своеобразнымъ исканіемъ какъ будто неизвѣстнаго имъ дотолѣ Христа Спасителя и вселеніемъ Его въ себя и, составляя свои особенныя молитвы и пѣснопѣнія, мало признаютъ нужды для себя въ святыхъ таинствахъ и православно-народныхъ обрядахъ, равно въ самыхъ дѣлахъ или подвигахъ нравственно-христіанскихъ. Точно также среди простаго народа по мѣстамъ являются и иноземные, и домашніе непризванные учители, распространяющіе самыя нелѣпыя и душевредныя лжеученія, что не нужно ходить въ церковь и принимать священныя таинства, поклоняться иконамъ и вообще употреблять наружные знаки молитвы и богопочтенія, что можно удовольствоваться однимъ чтеніемъ или слушаніемъ Евангелія (понимаемаго и толкуемаго, конечно, по своему) и одною *умною* (только внутреннею) молитвою *) и т. п.; нѣкоторые же изъ такихъ лжеучителей не только дерзко выдаютъ себя за боговдохновенныхъ людей, но даже приписываютъ себѣ воплощеніе самого божества и, святотатственно восхищая себѣ имя Тріипостаснаго, Богоматери или кого-либо изъ святыхъ, въ безумномъ ослѣпленіи принимаютъ отъ своихъ невѣжественныхъ приверженцевъ, страшно сказать! божескія почести. Самозванны всѣ эти учители и незаконны дѣлаемыя ими собранія, мнимо спасительно ихъ ученіе, мечтательна и обманчива молитва, а потому суетна надежда на спасеніе всѣхъ послушающихъ ихъ и послѣдующихъ имъ: да отверзетъ же имъ Господь умъ—лучше уразумѣть божественное и церковное писаніе и возбудитъ Своею благодатію сердце—покаяться въ ихъ заблужденіяхъ, чтобы колеблющіеся еще могли удержаться, а отступившіе уже возвратиться въ ограду, также не рѣдко оскорбляемой ими, но всегда неизмѣнно любящей ихъ, скорбящей и молящейся о нихъ матери—церкви православной!

Прежде мы сказали, что можно провести параллель въ

*) За что они получаютъ отъ православныхъ названіе: „молчальники, охохацы, воздыхацы“ и другія подобныя.

теченіи естество-философскихъ и религіозно-церковныхъ ученій и указали коротко сходство между односторонними и крайними направленіями въ области тѣхъ и другихъ. Чтобы закончить эту параллель, присовокупимъ еще теперь,—какъ истинною философіею можно назвать лишь ту, которая обнимаетъ въ своемъ изслѣдованіи все цѣлое существо человѣка со всѣми силами, свойствами и отправленіями души и тѣла, какъ бы ни называть эти силы, свойства и отправленія, и устанавливаетъ правильныя и обоюдосторонніе отношенія человѣка къ видимому вещественному и невидимому духовному міру: такъ и въ религіозно-церковномъ ученіи золотая истина тамъ, гдѣ къ богопочтенію и богослуженію,—а чрезъ то и къ служенію ближнимъ,—призывается весь человѣкъ съ его душевными—разумными и возвышенными помыслами и стремленіями и тѣлесными—благоговѣйными знаками выраженія этихъ помысловъ и стремленій, по ученію апостола Павла: *прославите, Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ яже* равно *суть Божія* (1 Кор. 6, 20),—и тамъ опять, гдѣ съ другой стороны, невидимою благодатію Божіею чрезъ извѣстныя видимыя посредства просвѣщается, освящается и укрѣпляется для добро-нравственной дѣятельности также все духовно-чувственное существо человѣка, по слову самого Христа Спасителя: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан, 10, 5). Объединяя все это, и вселенскій Златоустый учитель говоритъ: «Христосъ не предалъ намъ ничего чувственнаго, но все духовное, только въ чувственныхъ видахъ. Такъ и въ крещеніи чрезъ чувственную вещь—воду сообщается даръ, а духовное дѣйствіе состоитъ въ рожденіи и возрожденіи или обновленіи. Еслибы ты былъ безтѣлесенъ, то Христосъ сообщилъ бы тебѣ эти дары безтѣлесно; поелику же душа твоя соединена съ тѣломъ, то Онъ духовное сообщаетъ тебѣ чрезъ чувственное» (на Матѳ. бес. LXXXII, п. 4, стр. 420 — 21, т. III, по рус. пер.). Такъ несущіе иго Христово, подъ руководствомъ церкви православной, всегда найдутъ его дѣйствительно благимъ и легкимъ и,

безъ сомнѣнія, получатъ отъ Господа истинный покой и полное удовлетвореніе всѣмъ чистымъ и святымъ стремленіямъ своей богоподобной природы,—притомъ не только частныя, отдѣльныя лица, но и составляющіяся изъ нихъ цѣлыя племена и народы.

Будемъ же молиться, православные Россіяне, чтобы, съ постепенно возрастающимъ распространеніемъ образованія во всѣхъ классахъ нашего общества и между обоими полами, святая православная истина яснѣе и полнѣе раскрывалась уму, ближе и живѣе прививалась сердцу каждаго,—чтобы такимъ образомъ каждый изъ насъ могъ сознательнѣе усвоить и усерднѣе исполнить свои обязанности, какъ членъ церкви, христіанской семьи и государства, и обратно, скорѣе и легче отражать отъ себя взякія противныя тому ученія. Да будетъ такъ во славу Божію, на радость возлюбленнѣйшему нашему, Боговѣнчанному Государю Императору, къ чести и счастію всего русскаго народа!

Ректоръ Московской Семинаріи, Протоіерей

Николай Благоразумовъ.

(Изъ Октябрьской книжки Душепол. Чтенія 1883 года).

Печатать позволяется. Москва. Сентября 30 дня 1883 года.

Цензоръ протоіерей *Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ бульварѣ.

Мнѣніе о независимости нравственныхъ убѣжденій и правилъ отъ вѣроученія.

С Л О В О.

Иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми. Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ (Гал. 5, 24—25).

Эти слова ап. Павла читаются въ правоучительной части посланія его къ Галатскимъ христіанамъ. Въ первой, вѣроучительной части своего посланія Апостолъ спачала излагаетъ (коротко) ученіе о Лицѣ *Господа нашего Іисуса Христа, давшаго Себе* на крестную смерть *по грѣхахъ нашихъ, яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго, по волѣ Бога и Отца нашего* (1, 3—4); отсюда онъ дѣлаетъ прямой и рѣшительный выводъ, что *не оправдится* грѣшный *человѣкъ* предъ Богомъ *отъ дѣлъ закона* (Моисеева), собственными усиліями и подвигами, *но токмо вѣрою Іисусъ-Христовою* (2, 16), по благодати искупленія и усыновленія Богу; затѣмъ указываетъ, что они—Галаты именно *отъ слуха* этой *вѣры, а не отъ дѣлъ закона*, не по своимъ опять заслугамъ *воспріяли и Духа Святаго*, чрезъ Котораго сообщается имъ на ряду со многими другими чудодѣйственными *силами* и сила къ мужественному перенесенію страданій за имя Христово и даруется дерзновеніе именовать Самого Бога *Отцемъ* своимъ, какъ *сынамъ и наслѣдникамъ Божіимъ* чрезъ Іисуса Христа, т.-е. наслѣдникамъ вѣчно-блаженнаго царства небеснаго. Теперь во

второй—правоучительной части посланія Апостолъ начертываетъ, соотвѣтственно состоянію и потребностямъ Галатскихъ христіанъ, правила самой жизни и дѣятельности христіанской. Именно убѣждая Галатовъ твердо *стоять въ свободѣ, ею же Христосъ насъ свободи, и не возвращаться подъ иго рабства* Закону съ его преимущественно обрядовымъ благочестіемъ (5, 1), онъ однакожъ присоединяетъ такую оговорку: *точію да не свобода ваша въ вину плоти*,—не была бы поводомъ къ угожденію плоти,—*но любовію служите другъ другу*, по заповѣди самого Закона (13—14; ср. 6); затѣмъ для большей наглядности онъ перечисляетъ эти *дѣла плоти*—различные грѣхи и пороки, *творящіи* которые *царствія Божія не наслѣдятъ*, противополагая имъ тутъ же *плоды* или *дѣла духа*—различныя добродѣтели, для совершающихъ которыя по непосредственному внушенію доброй совѣсти и побужденіямъ чистаго сердца не требуется даже и предписаній Закона (19—23). Ибо, заключаетъ Апостолъ, *иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми, да живутъ и ходятъ духомъ*, т.-е. истинные послѣдователи Христовы ведутъ непрестанную самоотверженную борьбу съ врагами своего спасенія, пользуясь въ этой борьбѣ многообразною благодатною помощію и въ самыхъ подвигахъ ея *хвалясь* единственно лишь *о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже* для нихъ *міръ распяся*, какъ и они для *міра*, чтобы стать *новою тварію о Христѣ*—въ духовно-нравственномъ смыслѣ (24; 6, 14—15). Эти нравственныя, практическія наставленія о поведеніи христіанъ среди *лежащаго во злѣ міра*, очевидно, выведены св. ап. Павломъ изъ предшествующихъ имъ догматическаго свойства положеній, какъ слѣдствія изъ своихъ основаній, и первыя, значитъ, покоятся на послѣднихъ, какъ зданіе на своемъ фундаментѣ. Между тѣмъ не только чужеземные, но и своеземные писатели, и въ наше время особенно часто и смѣло, высказываютъ мнѣніе, что такъ называемые дог-

маты вѣры не имѣютъ большаго значенія собственно для нравственнаго ученія, что нравоученіе должно быть независимо и самостоятельно въ своихъ началахъ, что даже люди разномыслящіе о предметахъ вѣры, или совсѣмъ невѣрующіе, безрелигіозные могутъ быть добронравственными и т. д. Нѣтъ, такое мнѣніе противорѣчитъ прежде всего божественному, откровенно-церковному ученію, потомъ исторіи естественныхъ-религіозныхъ и философскихъ ученій, а исторія вѣдь, говорятъ, лучшая, безпристрастная свидѣтельница и учительница людей. Остановимся же на ближайшемъ и частнѣйшемъ разсмотрѣніи этихъ (только) двухъ доказательствъ по избранному нами вопросу.

Чтобы опредѣлить возможно правильнѣе и цѣлесообразнѣе свои отношенія къ Богу, ближнимъ нашимъ и самимъ себѣ, чтобы установить взаимныя права и обязанности наши какъ членовъ семьи, общества и государства, намъ необходимо имѣть вѣрныя, ясныя и твердыя познанія о самомъ Богѣ, о происхожденіи и природѣ человѣка, о мѣстѣ его въ ряду другихъ существъ міра и конечной цѣли его бытія, какъ и всего міра. И вотъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ прежде всего преподалъ людямъ свою божественную *истину*,—все то, что составляетъ общее вѣроученіе христіанства. Но такъ какъ не одно озареніе ума человѣческаго свѣтомъ истины было цѣлію пришествія Его на землю, а всецѣлое возрожденіе поврежденной грѣхомъ духовно-чувственной природы нашей, возстановленіе ея правильнаго образа дѣйствованія и—какъ конечная цѣль всего божественнаго домостроительства—вѣчное спасеніе наше: то и содержаніе Его ученія составляютъ не только понятія о тріединомъ Богѣ — Творцѣ и Искупителѣ нашемъ, и о самомъ человѣкѣ—богоподобномъ твореніи, падшемъ, но возрожденномъ и усыновленномъ Богу, но вмѣстѣ и правила свойственнаго человѣку, какъ разумно свободному существу, благоповеденія. Сообщить правильное понятіе о томъ, во что должно вѣровать, про-

свѣтить умъ человѣка истиннымъ богопознаніемъ и самопознаніемъ, нужно было прежде всего именно потому, что это просвѣщеніе ума естественно ведетъ къ благоустроенію всего внутренняго міра человѣка — воли и сердца, а затѣмъ и чрезъ то къ благоустроенію всей внѣшней его дѣятельности. *Духъ есть Богъ*, говоритъ напримѣръ Іисусъ Христосъ и тутъ же присовокупляетъ: *и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24). Или наоборотъ: *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисусъ-Христа* (17, 3). Опять: *уразумѣйте истину, и истина свободитъ вы* (8, 32), т.-е., какъ объяснилъ самъ Господь, освободитъ отъ грѣха и его послѣдствій, — первѣе всего отъ грѣха, который есть единственный дѣйствительный врагъ человѣка, а также отъ всякаго рода внѣшнихъ бѣдствій, какъ прямыхъ и неизбѣжныхъ *оброковъ грѣха*, которыя для уразумѣвшихъ ученіе Христово и усвоившихъ изъ него понятія объ истинномъ—духовномъ—благѣ или счастіи какъбы уже не существуютъ въ мірѣ (Мѳ. 10, 28). Такъ Божественнымъ Основателемъ христіанства, выражаясь нашимъ обычнымъ языкомъ, не были опущены изъ вниманія естественный законъ, непосредственная зависимость внѣшней дѣятельности человѣка отъ внутренняго настроенія его и этого послѣдняго отъ степени усвоенія имъ правильныхъ понятій объ истинной вѣрѣ. Поэтому преподавая людямъ *прежде всего* догматическую, иначе созерцательную *истину*, свое дальнѣйшее ученіе Онъ главнымъ образомъ направляетъ въ область нравственныхъ влеченій и сердечныхъ движеній человѣка, такъ какъ сердце есть средоточный пунктъ нашей духовной дѣятельности (15, 19). «Вѣдый существа человѣческаго немощь и милостивно въ не воображся», Господь благоволилъ придти на помощь поврежденному естеству человѣческому въ дѣлѣ его внутренняго перерожденія въ *новую тварь о Христѣ, совлеченія* въ себѣ *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ*

прелестныхъ, и облеченія въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Ефес. 4, 22. 24). Вопервыхъ въ Церкви своей съ ея таинствами Онъ оставилъ намъ сокровищницу благодатныхъ даровъ Духа Святаго, «вся немощная врачующихъ и оскудѣвающая восполняющахъ»; вовторыхъ далъ поучительныя практическія указанія, какъ должна благоустрояться жизнь наша частная и семейная, общественная и даже (въ общихъ чертахъ) гражданская или государственная, чтобы соотвѣтствовать возвѣщеннымъ Имъ *новымъ* понятіямъ о Богѣ, цѣломъ мірѣ и самомъ человѣкѣ. (Такова въ особенности «нагорная бесѣда» Спасителя). Въ этомъ-то смыслѣ Онъ и свидѣтельствовалъ, что *глаголы Его духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63), т.-е. ученіе христіанское имѣетъ для насъ не одно лишь созерцательное, отвлеченное, но и практически-жизненное значеніе, именно какъ ученіе религіозно-нравственное вмѣстѣ, опредѣляющее всестороннее смыслъ и цѣль нашей жизни: *аще кто Богочтецъ есть, сей волю Его творитъ* (9, 31), а эта воля Божія вся сводится къ двумъ основнымъ заповѣдямъ о любви къ Богу и ближнему (Матѳ. 22, 37—40).—Подобнымъ же образомъ устанавливали тѣснѣйшую взаимную связь нравственнаго состоянія человѣка съ его догматическими воззрѣніями, раскрывали послѣдственность и зависимость перваго отъ послѣднихъ и свв. Апостолы Христовы, что̀ мы отчасти видѣли изъ вышеприведенныхъ стиховъ посланія ап. Павла къ галатскимъ христіанамъ и можемъ видѣть почти въ каждомъ его посланіи, обычно состоящемъ изъ двухъ частей—вѣроучительной и нравоучительной. Равно напримѣръ апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ своемъ (первомъ соборномъ) посланіи излагаетъ, съ свойственными ему сколько возвышенностію мысли, столько же нѣжностію чувства, ученіе о вѣрѣ, иначе познаніи Бога и дѣятельной любви къ Богу и ближнему, при чемъ знаменательно то и другое называетъ одинаково заповѣдію Божіею: *сія есть заповѣдь*

Его, да вѣруемъ во имя Сына Его Іисуса Христа, и любимъ другъ друга, якоже далъ есть заповѣдь намъ (3, 23). Такъ если любовь, по мысли св. Іоанна, есть общая внутренняя основа правой христіанской жизни, то просвѣщающая насъ истиною и побѣждающая міръ съ его заблужденіями, вѣра во имя Сына Божія, *первѣе возлюбившаго насъ и предавшаго себе по насъ* (4, 19; 5, 4—5; Гал. 2, 20) для избавленія насъ отъ проклятія и вѣчной смерти за грѣхи, есть какъбы видимое знамя, твердая и паглядная точка опоры для этой жизни. Вѣдь истины религіозная и нравственная суть лучи одного и тогоже свѣта: гдѣ первая смѣшана съ заблужденіемъ, тамъ нечиста и послѣдняя. Посему-то и достойный подражатель Апостола любви, вселенскій учитель богословія, св. Григорій Назіанзинъ, изложивъ въ одномъ своемъ словѣ краткое исповѣданіе вѣры, заключаетъ его такъ: «на семъ основаніи догматовъ дѣлай добро, потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Ік. 2, 20). какъ и дѣла безъ вѣры» (Слово на Крещ. въ рус. пер. 1844 г., стр. 321).

Напрасно говорятъ при этомъ, что такъ какъ такъ называемые догматы вѣры содержатъ въ себѣ нѣчто таинственное, непостижимое для человѣческаго разума, то они и не могутъ служить источниками или основаніями для правоученія, для опредѣленія правилъ нашей жизнедѣятельности и практическихъ отношеній. Безъ сомнѣнія, христіанская догматическая *истина*, вообще какъ божественная и сверхъестественная, есть тайна необъятная для нашего ума во всей ея глубинѣ и широтѣ; но сущность этой тайны открыта намъ вѣрующимъ въ воплощеніи Сына Божія, а частныя ея стороны постепенно раскрываются въ церковномъ ученіи дѣйствіемъ Духа Святаго, обитающаго въ Церкви. Для живаго члена этого духовнаго тѣла Христова не закрытъ и *умъ Христовъ*, для него божественная истина есть не тьма, а свѣтъ, и усвоеніе этой истины— восхожденіе отъ свѣта къ свѣту, отъ силы вѣры къ силѣ вѣ-

ры разумно-возвышенной. *И вы помазаніе имате отъ Святаго* (Духа), пишетъ св. ап. Іоаннъ объ истинныхъ христіанахъ— *и вѣсте вся* — внутреннимъ опытомъ знаете все относящееся къ вашему истинному духовному благу или счастію. *И вы еже помазаніе пріясте отъ Него, въ васъ пребываетъ, и не требуете, да кто учитъ вы: но яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ, и истинно есть, и нѣсть лжно: и якоже научи васъ, пребывайте въ немъ* (1 Іоан. 2, 20. 27; ср. 1 Кор. 2, 10. 12—13). «Для духовныхъ тайнъ, поучаетъ пр. Исаакъ Сиринъ, которыя выше (обыкновеннаго) вѣдѣнія и которыхъ не ощущаютъ ни тѣлесныя чувства, ни разумная сила ума, Богъ далъ намъ вѣру» (Слова подвижнич. въ рус. пер. 1858 г. стр. 381). Этою-то *вѣрою* мы и *разумѣваемъ* въ доступной для насъ мѣрѣ все богооткровенное ученіе о самомъ же Богѣ, мірѣ — твореніи Божіемъ и человѣкѣ, его природѣ и назначеніи (Евр. 11, 3); а это ученіе, въ свою очередь, опредѣляетъ всецѣло образъ мыслей и чувствованій христіанина, какъ *законъ* не только для его познающей *сферы*, но и для самой дѣятельности (Римл. 3, 27). Такъ самый высшій и таинственный догматъ о троичности Лицъ въ Богѣ, съ перенесеніемъ отъ самого Бога на насъ—человѣковъ—столь вожделѣнныхъ намъ наименованій и отношеній *отчества и сыновства* (Ефес. 2, 14—15), не вноситъ ли въ наше нравственное сознаніе мысль о взаимномъ тѣснѣйшемъ общеніи другъ съ другомъ, какъ членовъ одной общечеловѣческой и еще болѣе христіанствующей семьи (вопреки раздѣленію въ языческихъ религіяхъ людей на сыновъ неба и земли и низведенію нѣкоторыхъ изъ нихъ едва ли не ниже животныхъ), и вмѣстѣ мысль о частнѣйшемъ призваніи въ жизни, которое должно выполнять каждому изъ насъ, хотя и въ видахъ общаго для всѣхъ блага? Частнѣе— догматъ объ искупленіи нашемъ чрезъ *Богочеловѣка Іисуса Христа*, воплотившагося и пострадавшаго для примиренія насъ—грѣшниковъ съ правосудіемъ Божіемъ, объ освяще-

нін нашемъ чрезъ *иного* Божественнаго *Утѣшителя и Ходатая*—Духа истины и благодати не раскрываетъ ли предъ нашимъ нравственнымъ сознаніемъ всю неизмѣримую противоположность между добромъ и зломъ, какой не знала и не знаетъ ни одна религіозная и философская система? А что же можетъ быть важнѣе для насъ, для нашей совѣсти, истиннаго понятія о природѣ добра и зла? Съ другой стороны, не это ли догматическое ученіе указываетъ нашему нравственному сознанію примиреніе всѣхъ нашихъ стремленій и чаяній добра съ невозможностію безъ особой высшей помощи осуществлять его въ жизни? Не здѣсь ли и только здѣсь мы подавляемые непокоренимостію живущаго въ насъ зла найдемъ для себя столь необходимое успокоеніе и возбужденіе на подвиги добра? Что же касается собственно непостижимыхъ сторонъ въ догматахъ вѣры, то вѣдь людямъ не мѣшаетъ принимать за истину напримѣръ какое-либо научное открытіе то обстоятельство, что они въ большинствѣ не понимаютъ дѣла въ такой степени, какъ понимаетъ его самъ виновникъ открытія. Да и для человѣка, совершившаго открытіе, развѣ не остается всегда много загадочнаго и таинственнаго въ томъ, что, какъбы плодъ нѣкотораго необычайнаго прозрѣнія, внезапно открылось предъ его умственнымъ взоромъ? Тѣмъ менѣе, значитъ, должны служить препятствіемъ къ принятію догматическаго христіанскаго ученія существующія въ немъ непостижимыя, таинственныя стороны. Будучи откровеніемъ Самого Бога, православно-христіанскіе догматы и провозглашаются Церковію, *яже есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), какъ ея основныя законоположенія, которымъ безусловно, хотя и свободно, долженъ подчиняться всякій отдѣльный членъ ея и по которымъ, какъ по правилу и основѣ своей религіозно-нравственной жизни, долженъ воспитывать въ себѣ соотвѣтственныя расположенія чувства и воли, настроеніе мыслей и всѣхъ душевныхъ движеній (Филип. 2, 5—11. 1 прав. VI Всел. соб.).

Далѣе, сказали мы, мнѣніе о независимой, отрѣшенной отъ вѣроученія нравственности, противорѣчитъ исторіи естественныхъ—религіозныхъ и философскихъ ученій, т.-е. правила благоповеденія, условія взаимныхъ отношеній людей въ семьѣ, въ обществѣ и государствѣ всегда и вездѣ опредѣлялись согласно внутреннимъ началамъ извѣстной религіозной или чаще философской системы (потому что въ язычествѣ философія нерѣдко становилась противъ миѳологической религіи). Вотъ нѣсколько примѣровъ тому изъ исторіи философскихъ ученій, притомъ самыхъ разнородныхъ, древняго и новаго времени. Извѣстный греческій философъ Платонъ, ученіе котораго древними отцами Церкви признавалось еще за наилучшее для язычника, представлялъ себѣ Божество безпредѣльнымъ Разумомъ, источникомъ всякаго другаго разума и носителемъ вѣчныхъ идей,—образовъ, по которымъ произведенъ Имъ и весь міръ изъ совѣчной же Ему матеріи; а существованіе въ мірѣ зла приписывалъ именно этой матеріальности, чувственности. Души человѣческія, обязанныя своимъ происхожденіемъ томуже безпредѣльному Разуму, сперва, по его мнѣнію, не были соединены съ тѣлами: это соединеніе послѣдовало уже за ихъ своего рода грѣхопаденіемъ, и странствованіе каждой души въ чувственной оболочкѣ, при многочисленномъ перевоплощеніи ея не только въ тѣла людей, но и животныхъ, продолжается до тѣхъ поръ, пока она не придетъ въ первобытное чистое состояніе. Съ такими умозрительными началами названнаго философа вполнѣ согласуется и нравственное его ученіе. Зло здѣсь, какъ слѣдствіе матеріи, является неизбѣжнымъ въ мірѣ и непреодолимымъ. Тѣло—это темница, какъбы могила для духа, служа источникомъ всѣхъ худыхъ пожеланій и склонностей, за которыя слѣдовательно человѣкъ нисколько не отвѣтственъ. Давая преобладаніе въ понятіи о Божествѣ свойству разумности и поставляя, въ свою очередь, разумъ высшимъ началомъ и въ человѣкѣ, онъ самую добродѣтель полагалъ

исключительно въ мудрости, знаніи, а порокъ въ невѣжествѣ. Человѣкъ, углубляясь въ познающую мудрость и все чувственное считая не болѣе какъ призракомъ, чрезъ то духовно высвобождается изъ оковъ чувственности и приходитъ въ живую связь съ міромъ идей—источникомъ безсмертія и блаженства. Отсюда упражненіе въ мудрости, знаніи—главная и конечная цѣль всякой частной и общественной дѣятельности; любителямъ ихъ должно принадлежать самое почетное, первенствующее мѣсто въ государствѣ; лица же, занимающіяся земледѣліемъ, ремеслами и тому подобными дѣлами—какія-то низшія, презрѣнныя существа, назначенныя жить и трудиться для обезпеченія благосостоянія высшихъ, образованныхъ классовъ общества.—Были и есть, какъ извѣстно, философскія системы, проникнутыя такъ-называемымъ пантеистическимъ или прямо матеріалистическимъ воззрѣніями, которымъ соотвѣтствовало и соотвѣтствуетъ также и нравственное ученіе. По этимъ воззрѣніямъ (почти безразлично) вся вообще духовная жизнь выводится изъ матеріальной основы; въ человѣкѣ отрицаются свобода воли, равно всѣ высшія стремленія и чаянія загробной жизни, а на мѣсто живаго и личнаго Бога поставляется таже бездушная матерія, съ ея слѣпо-необходимо дѣйствующими во всемъ силами и законами. Отсюда доброе и злое не признаются различествующими по внутреннему существу своему: добро то, что кажется пріятнымъ и полезнымъ человѣку, а зло—непріятное и вредное, и никакого предпочтенія не должно отдавать духовнымъ наслажденіямъ и пользамъ предъ чувственными. Слѣдовательно личный эгоизмъ есть единственный и вполнѣ законный двигатель и источникъ всѣхъ человѣческихъ помышленій, влеченій и дѣйствій. Такъ какъ человѣкъ—не произвольный членъ великой причинной цѣпи въ мірѣ, и вся дѣятельность его—простая и сплошная необходимость, то онъ ни за что не отвѣтственъ въ своей жизни, нельзя вмѣнять ему одно въ заслугу, а другое

въ вину, въ преступленіе, какъ нельзя камень или дерево награждать за одно и карать за другое.—Упомянемъ еще о безотрадно-мрачномъ ученіи буддизма, которое однакожь въ болѣе или менѣе подновленномъ видѣ провозглашается нѣкоторыми изъ современныхъ даже намъ (иноземныхъ) [a]) мыслителей и которое, какъ ядовитое растеніе, видимо отравляетъ жизнь многихъ и у насъ. И здѣсь зависимость нравоученія отъ умозрительныхъ началъ внѣ всякаго сомнѣнія. Божество въ указанной системѣ представляется въ видѣ безпредѣльной пустоты, своеобразно понимаемаго небытія. Весь міръ со всѣмъ, что въ немъ есть, лишенъ всякой цѣнности и ничтоженъ. Коренное зло, свойственное живымъ существамъ, состоитъ въ стремленіи къ самосохраненію и размноженію, и всякая жизнь есть лишь длинный, нескончаемый рядъ скорбей и страданій; высшее же благо или счастіе для человѣка—это совершенное прекращеніе бытія. Отсюда какіе бы то ни было интересы жизни, умственные и эстетическіе, семейные и народно-общественные, или даже общечеловѣческіе не должны существовать для истиннаго и послѣдовательнаго буддиста. И дѣйствительно, все это прямо объявляется ничтожествомъ, и человѣкъ призывается къ полному отреченію отъ всякой жизненной дѣйствительности, къ заглушенію въ себѣ всякихъ стремленій и наклонностей какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Единственная добродѣтель, свойственная буддійской нравственности,—это состраданіе безразлично къ людямъ и животнымъ; но это состраданіе не любовь въ высокомъ христіанскомъ смыслѣ, не имѣетъ собственно нравственной цѣны, и самыя жертвы—для людей и животныхъ безразлично—здѣсь служатъ только средствомъ къ достиженію тогоже духовнаго самоубійства. Такъ-то вообще велико и неотразимо вліяніе умозрительныхъ началъ на образъ жизни и дѣятель-

---

a) Такъ называемый „Пессимизмъ“ Шопенгауера и Гартмана.

пости какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Не этимъ ли первостепеннымъ значеніемъ ихъ объясняется то явленіе, что люди такъ ревниво охраняютъ и горячо отстаиваютъ свои убѣжденія? Недаромъ же многіе лучше готовы перенести ужаснѣйшія страданія, или лишиться самой жизни, чѣмъ отречься отъ своихъ взглядовъ на міръ Божій и самихъ себя, какъ, напримѣръ христіанскіе мученики и даже иные языческіе мудрецы! Напротивъ, нравственное ученіе, невытекающее изъ общихъ руководственныхъ понятій человѣка о Богѣ, мірѣ и назначеніи или призваніи въ жизни его самого, какъбы оторванное отъ своей почвы, не имѣетъ для него серьезнаго смысла и, какъ совершенно произвольное, нисколько не обязательно. Напрасно говорятъ при этомъ, что люди разномыслящіе о предметахъ вѣры, или совсѣмъ невѣрующіе, безрелигіозные могутъ быть добронравственными, скромными и воздержными, готовыми сочувствовать нуждамъ другихъ и помогать имъ. Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то не окажется ли, что добрыя черты нравственной жизни у такихъ людей суть плоды или природныхъ добрыхъ качествъ, неизгладившихся съ теченіемъ времени, или нравственно чистыхъ вліяній предшествовавшаго воспитанія въ христіанскомъ духѣ и окружающей среды, или просто счастливой непослѣдовательности, вслѣдствіе которой человѣкъ нерѣдко въ дѣйствительной жизни проводитъ и осуществляетъ какъ разъ противоположное тому, что требовалось или предполагалось бы признаваемыми имъ умозрительными началами. Но добрыя нравственныя качества, проявляемыя невѣрующими, безрелигіозными людьми, очевидно, столько же могутъ быть вмѣняемы имъ, сколько можетъ быть вмѣняемо въ заслугу розѣ то, что она издаетъ пріятный запахъ. Или лучше уподобить ихъ тѣмъ, которые живя въ подземельяхъ и пользуясь огнемъ отъ какого-нибудь горячаго матеріала, напримѣръ дерева или масла, воображали бы, что они находятся внѣ вліянія солнечныхъ

лучей, забывая, что и этотъ подземный огонь есть произведеніе того же солнечнаго тепла и свѣта. Несомнѣнно однакожъ, что нравственность такихъ людей была бы болѣе осмысленною, исходящею изъ вполнѣ достойныхъ ея началъ, и способна была бы раскрываться глубже, разностороннѣе и возвышеннѣе, еслибы они были горячо и искренно вѣрующими. Съ другой стороны, возможенъ вѣдь низкій уровень нравственной жизни и въ людяхъ, которыхъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ, правда, болѣе наружной религіозности, набожности. Иные могутъ принимать всѣ христіанскіе догматы, по заведенному обычаю исполнять всѣ обряды церковные, дѣлать пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, и въ тоже время не отличаться чистыми нравственными качествами. Въ истинно-добромъ и вѣрномъ христіанинѣ нравственная дѣятельность и со стороны движущихъ его побужденій, и со стороны предметовъ, которые обнимаетъ она, и со стороны цѣлей, которыя преслѣдуетъ, является въ иномъ свѣтѣ, съ особымъ характеромъ. Для такого христіанина исполнять заповѣди Евангелія и постановленія Церкви значитъ исполнять волю Божію единственно по любви къ Богу-Творцу и Спасителю своему и изъ благоговѣйной покорности Ему, какъ верховному Законодателю и Судіи, ради пріискреннѣйшаго блаженнаго общенія съ Нимъ въ здѣшней и будущей загробной жизни (Колосс. 3, 3—4), не мечтая уже, подобно мудрецамъ вѣка, дождаться когда-нибудь рая на грѣшной землѣ. Милосердіе истинно-христіанское во всякомъ нуждающемся ближнемъ видитъ брата о Христѣ и будетъ помогать ему словомъ и дѣломъ отъ чистаго сердца, со всѣмъ усердіемъ, а не такъ, какъ естественная или мірская филантропія то съ разборомъ благодѣтельствуемыхъ, изъ тщеславнаго подражанія другимъ, или же изъ страха за свои избытки, то, наоборотъ во имя лишь отвлеченно-холоднаго начала помогающая лицамъ совсѣмъ незнаемымъ и безразличнымъ для самого благодѣтельствующаго.

Такъ, православные братіе, памятуя грозныя слова св. Ап. Павла: *аще кто вамъ благовпстить паче, еже пріясте, анавема да будетъ* (Галат. 1, 9), да держимся твердо и неуклонно *истины* Христовой, какъ *измлада* научились ей у святой матери нашей Церкви православной, которую она одинаково чисто и безпримѣсно преподаетъ намъ и въ догматахъ вѣры, и въ вытекающихъ изъ нихъ, какъ изъ своихъ источниковъ, и опирающихся на нихъ, какъ на незыблемыхъ основахъ, правилахъ нравственности, и да исполняемъ всѣ по доброй христіанской совѣсти свои взаимныя обязанности, какъ члены семьи, общества и государства.

Прот. Николай Благоразумовъ.

(Изъ ноябрьской книжки Душеполез. Чтенія 1886 года).

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, октября 23 дня 1886 года.

Цензоръ *Свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ВОЗЗРѢНІЯ НА ЖИЗНЬ: ОПТИМИЗМЪ И ПЕССИМИЗМЪ.

Буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота (Апок. 11,10).

Въ дѣлѣ изученія внѣшней природы, покоренія ея силъ и обращенія на служеніе себѣ, человѣкъ сдѣлалъ и продолжаетъ дѣлать очевидные и поразительные успѣхи. Нашъ вѣкъ, по справедливости, можетъ хвалиться широкимъ развитіемъ человѣческой мысли, быстрымъ движеніемъ науки, разнаго рода техническими изобрѣтеніями, и въ отношеніи практическаго приложенія научныхъ открытій къ жизни считаться счастливѣйшимъ. Что же касается высшей духовно-нравственной области, то здѣсь мы не только не замѣчаемъ подобнаго же поступательнаго движенія человѣческой мысли, подобныхъ же успѣховъ, но, къ удивленію, видимъ, что человѣкъ, оставаясь въ однихъ предѣлахъ своего разума, не сдѣлалъ въ теченіе тысячелѣтій своего существованія ни одного существеннаго шага впередъ. Такъ по самому первому и наиважнѣйшему вопросу о задачѣ, цѣли и значеніи жизни человѣка естественный разумъ, поскольку онъ поставленъ исключительно въ свои собственныя границы, т.-е. поскольку не освѣщенъ еще лучемъ божественнаго откровенія, или же отвергаетъ этотъ сверхъестественный источникъ свѣта, онъ принужденъ вращаться въ безысходномъ кругу, переходя изъ одной въ другую противоположную крайность и перебирая одно за другимъ прежнія, казалось бы, давно уже забытыя мнѣнія, которыя облекаетъ только въ новыя формы, какъ бы въ новую болѣе тонкую и щеголе-

ватую одежду. Извѣстно, что и въ настоящее время продолжаютъ держаться и вмѣстѣ спорить между собою два философскія воззрѣнія, пересаженныя на христіанскую почву изъ далекой до-христіанской старины и совершенно противорѣчивыя другъ другу. По тому и другому воззрѣнію божество, не имѣющее самостоятельности и самоличнаго бытія, постоянно стремится опознать себя болѣе и болѣе въ природѣ и человѣкѣ, и такимъ образомъ становится естественнымъ, хотя въ самомъ себѣ и не сознательнымъ, двигателемъ вѣчнаго, ничѣмъ непрерываемаго и нестѣсняемаго всеобщаго развитія, только по первому — въ свѣтлую жизнерадостную сторону, а по второму—въ мрачную и безотрадную.

Желая видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, первое воззрѣніе, смѣло утверждаетъ, что «все, что разумно, дѣйствительно существуетъ, и, наоборотъ, все дѣйствительно существующее—разумно». Значитъ, все въ этомъ лучшемъ изъ міровъ идетъ къ лучшему, все должно содѣйствовать поступательному движенію усовершенствованія (прогресса), котораго ничто не можетъ остановить. Вотъ почему и самое зло, какъ зло, для него не существуетъ, представляясь лишь переходнымъ явленіямъ и необходимымъ элементомъ въ общей гармоніи міра, и такъ-называемый грѣхъ—переходною ступенью къ добродѣтели, по мѣрѣ ослабленія или прекращенія людскаго невѣжества и распространенія всеобщаго просвѣщенія. Итакъ цѣль всей міровой жизни, задача всего человѣчества это—осуществленіе общаго блага. Отсюда вытекаетъ и задача жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, заключающаяся въ содѣйствіи цѣли общей жизни: каждый вѣдь изъ насъ вкладываетъ или обязанъ вкладывать свою лепту въ дѣло осуществленія общаго блага. При этомъ однако цѣль человѣческой жизни поставляется пока лишь въ другихъ, внѣ самой дѣйствующей личности, и мы еще не усматриваемъ непосредственной личной цѣли, которую человѣкъ долженъ находить въ самомъ себѣ. Ибо если всѣ живутъ только для другихъ, то ни у кого не оказывается собственной самостоятельной цѣли жизни, по крайней мѣрѣ она исчезаетъ

въ какомъ-то неопредѣленномъ туманѣ. Въ самомъ дѣлѣ участіе каждаго человѣка въ устроснін общаго блага, дѣятельность на пользу другихъ можетъ быть путемъ къ цѣли, средствомъ къ достиженію ея, но не можетъ быть для него истинною и окончательною цѣлію. Да эта цѣль, говорятъ намъ, заключается въ самомъ пользованіи, наслажденіи жизнію. Содѣйствуя общей цѣли, т.-е. участвуя въ устроеніи общественнаго блага, человѣкъ удовлетворяетъ и той частной ближайшей цѣли жизни, которую носитъ въ самомъ себѣ, т.-е. въ сознаніи исполненія своихъ обязанностей къ ближнимъ, къ семейству и обществу находитъ осуществленіе наслажденія жизнію. И чѣмъ выше человѣкъ развитъ нравственно и умственно, чѣмъ болѣе онъ содѣйствуетъ высшему благу, общему счастію; тѣмъ болѣе истинныхъ, чистыхъ радостей должно выпадать на его долю, для его личной жизни. Такъ, повидимому, но—только повидимому. Въ дѣйствительности же это наслажденіе жизнію большею частію не достается въ непосредственное пользованіе тѣхъ, кто именно заслужилъ его, и вообще въ этомъ отношеніи распредѣленіе труда и удовлетворенія происходитъ чрезвычайно неравномѣрно. Достаточно небольшаго знакомства съ исторіею развитія народовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, человѣкъ, какъ членъ извѣстнаго общества или государства, обыкновенно очень мало пользуется результатами увеличеннаго общественнаго блага, которое онъ помогъ осуществить. Жизнь человѣческая вообще скоротечна, а каждый новый замѣтный шагъ такого преуспѣянія совершается весьма медленно; притомъ же бываютъ въ жизни народовъ времена застоя, даже попятнаго шествія, упадка. Поэтому большинству людей суждено въ теченіи жизни только бросать сѣмена, которыя всходятъ уже послѣ ихъ смерти и плодами которыхъ могутъ воспользоваться развѣ ихъ потомки. Равно и то положеніе, что высшее нравственное и умственное развитіе человѣка совпадаетъ съ высшимъ наслажденіемъ жизнію, въ границахъ одного конечнаго земнаго бытія, не только не оправдывается опытомъ жизни, но послѣдній приводитъ

скорѣе къ противоположному заключенію. Ибо что въ сущности видимъ мы въ жизни? Человѣкъ, стоящій на низшей степени развитія, скорѣе всего можетъ найти удовлетвореніе въ жизни. Вся задача его заключается въ какой-нибудь, напримѣръ, механической работѣ, которая можетъ быть исполнена и легко и хорошо: онъ самъ можетъ быть вполнѣ доволенъ своимъ трудомъ и вполнѣ удовлетворить другихъ. Но, по мѣрѣ того, какъ развитіе личности возвышается, и самая задача дѣятельности ея расширяется, становится труднѣе исполнимою, требуя для себя большихъ силъ и средствъ, и потому, развитый человѣкъ въ самомъ себѣ, въ сознаніи своихъ собственныхъ несовершенствъ, будетъ неминуемо встрѣчать препятствіе къ полному удовлетворенію своего долга, а слѣдовательно и къ наслажденію жизнію. Затѣмъ въ своемъ стремленіи содѣйствовать общему благу, человѣкъ нерѣдко встрѣчаетъ препятствіе въ тѣхъ самыхъ людяхъ, для пользы которыхъ онъ трудится. Высшее благо состоитъ въ нравственномъ добрѣ—истинномъ просвѣщеніи и облагороженіи людей, а оно не можетъ быть навязано имъ извнѣ—механически и осуществлено противъ ихъ воли и безъ ихъ собственнаго содѣйствія. Далѣе, даже въ естественныхъ условіяхъ и законахъ, управляющихъ гражданскими обществами, человѣкъ встрѣчаетъ нерѣдко противодѣйствіе къ осуществленію своихъ благихъ намѣреній, потому что эти законы, эти уловія находятся иногда въ противорѣчіи между собою, одно какъ бы подрываетъ и уничтожаетъ другое. Таково направленіе злоупотребленія благотворительностію—частною и общественною со стороны людей, бѣднѣющихъ изъ-за лѣни и невоздержности, что̀ служитъ именно теперь у насъ предметомъ серьезнаго обсужденія въ литературѣ, также въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ и т. п. Еще,—нравственное развитіе человѣка состоитъ въ широтѣ и глубинѣ его любви къ ближнимъ. Чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ болѣе онъ любитъ, а чѣмъ болѣе любитъ, тѣмъ большее число лицъ входитъ въ кругъ его заботъ и обусловливаетъ его собственное благо; между тѣмъ опять, чѣмъ

болѣе расширяются предѣлы извѣстной потребности, тѣмъ труднѣе ей удовлетворить. Сухой эгоистъ можетъ быть вполнѣ доволенъ, покоенъ, счастливъ, когда онъ самъ лично поставленъ въ благопріятныя условія жизни; ему нѣтъ дѣла до другихъ. Но чѣмъ выше поднимается нравственный уровень человѣка, тѣмъ труднѣе достается ему это наслажденіе жизнію, которое будетъ зависить уже не отъ одного его личнаго благосостоянія, а отъ благосостоянія его семейства, его друзей, его народа, наконецъ, при еще высшемъ развитіи, всего человѣчества. А такъ какъ въ мірѣ всегда будетъ существовать нравственное и физическое зло и всегда будутъ страданія, то человѣкъ, стоящій на высшей степени развитія, обнимающій своею любовью все человѣчество, всегда будетъ лишенъ полнаго наслажденія жизнію; ибо всегда будетъ страдать съ человѣчествомъ, хотя бы въ себѣ самомъ, своемъ семействѣ и близкихъ ему людяхъ находилъ только поводъ къ счастію. Наконецъ, по данному воззрѣнію, если наслажденіе жизнію и не заключается въ непосредственномъ пользованіи плодами своего труда на общее благо—въ настоящемъ, то оно можетъ почерпаться изъ пріятнаго чувства удовлетворенія, отъ сознанія пользы, которую его дѣятельность должна принести въ будущемъ, для отдаленныхъ поколѣній человѣчества: въ этомъ будущемъ онъ и обезсмертитъ себя, какъ особь въ своемъ родѣ, вмѣсто какого-то личнаго безсмертія и безконечной жизни за гробомъ. Поистинѣ не высока и здѣсь справедливость, не велико и это утѣшеніе для самоотверженнаго и честнаго труженика на томъ или другомъ поприщѣ церковной и общественно-гражданской дѣятельности!

Но вотъ выдвигается другое воззрѣніе, которое, также оставаясь собственно и исключительно въ предѣлахъ конечнаго земнаго бытія и, вопреки первому, все окрашивая темнымъ цвѣтомъ, утверждаетъ, что самое бытіе міра, слѣдовательно и человѣка, противоразумно, что зло и страданія предопредѣлены естественно и безусловно, такъ сказать, внутренно заложены въ самомъ существѣ всей природы, слѣдова-

тельно и человѣка, что это — неизбѣжный спутникъ жизни всѣхъ созданій міра, которыя обречены на постоянную борьбу между собою и исчезновеніе въ своихъ родахъ. Отсюда: «никакая разумная дѣятельность въ этомъ неразумномъ мірѣ немыслима», никакое существенное улучшеніе въ судьбѣ человѣческихъ обществъ и дѣйствительное удовлетвореніе для человѣка невозможно, и чѣмъ выше развитъ человѣкъ нравственно и умственно, тѣмъ онъ неминуемо подверженъ большимъ и сильнѣйшимъ страданіямъ. Какую же цѣль и задачу можетъ поставить себѣ человѣкъ при такихъ условіяхъ существованія? Такъ какъ причина всякаго зла и страданія въ мірѣ заключается въ самомъ стремленіи населяющихъ его созданій, съ человѣкомъ во главѣ, къ жизни и самосохраненію, то для спасенія отъ всѣхъ золъ и бѣдствій человѣку необходимо подавить въ себѣ это влеченіе къ жизни и всѣмъ ея благамъ духовнымъ и вещественнымъ, вмѣсто расширенія сферы своей дѣятельности, стараться всячески съузить и ограничить ея интересы — частные, семейные и общественные, даже прямо искать себѣ больше тягостнаго и непріятнаго въ жизни, избрать для себя страдальческій образъ жизни, съ цѣлію постепенно достигнуть возможно большаго самоотрицанія и самозабвенія, т.-е. полнѣйшаго безучастія ко всѣмъ и ко всему, такъ чтобы ничто уже не могло ни радовать, ни печалить... Такъ въ нравственно-практическомъ отношеніи то и другое воззрѣніе отнимаютъ у человѣка всякое самообладаніе и въ концѣ концовъ неизбѣжно приводятъ его къ узко-эгоистической дѣятельности (отъ чего именно, повидимому, имъ и хотѣлось спасти человѣка), притомъ же какъ естественно-нормальной и чуждой всякой отвѣтственности. Если все въ мірѣ добро и все необходимо, если во всемъ проявляется гармонія, а зло перестаетъ быть тѣмъ, что не должно быть, то исчезаетъ всякое понятіе долга и обязанности; если затѣмъ человѣкъ вполнѣ лишенъ возможности вліять на теченіе жизни и ходъ міровыхъ событій, то къ чему еще напрягать свой умъ и свою волю: не лучше ли отказаться отъ всякой внутренней борьбы съ собою—съ сво-

ими недостатками и дѣлать лишь то, что непосредственно пріятно и полезно. Вотъ что выходитъ по первому, такъ называему, *оптимистическому* воззрѣнію! Напротивъ, если все худо въ этомъ худшемъ мірѣ, если зло нравственное и физическое и всякія страданія проистекаютъ изъ самой сущности вещей и потому изъ нихъ нѣтъ исхода, то можетъ ли быть также рѣчь о долгѣ и обязанности, о свободѣ дѣйствія, о вмѣняемости, и потому есть ли разумный поводъ къ чему-либо стремиться и вообще напрягать свои силы: не лучше ли опять, съ гордымъ и холоднымъ равнодушіемъ оттолкнувъ отъ себя всѣхъ и все, ближайшимъ образомъ знать лишь себя самого, и такъ или иначе жить для себя-лишь одного. Вотъ что выходитъ по второму, такъ называемому, *пессимистическому* воззрѣнію.

Напрасно говорятъ при этомъ, что и христіанство требуетъ отъ своихъ послѣдователей самоотверженія, строгаго воздержанія и отреченія отъ міра, даже похваляетъ прямой и положительный аскетизмъ, и христіанскій подвижникъ также является будто бы эгоистомъ, который бросаетъ всѣхъ и все и заботится лишь о своей собственной судьбѣ, о своемъ личномъ спасеніи. Правда, христіанство требуетъ отъ всѣхъ насъ отверженія своихъ грѣховныхъ страстей и отреченія отъ соблазновъ міра, но отнюдь не требуетъ презирать міръ, какъ созданіе Божіе, съ безчисленными и разнообразными дарами природы и произведеніями человѣческаго генія въ области науки и искуства. И истинный подвижникъ-отшельникъ даже не презираетъ и не забываетъ своихъ ближнихъ, паче же присныхъ — единовѣрцевъ и сограждан, но всегда готовъ помочь имъ словомъ и дѣломъ, молитвою, наставленіями, писаніями. Не касаясь исторіи вселенской Церкви, укажемъ два-три примѣра изъ исторіи отечественной: не будь у насъ преп. Нестора лѣтописца и патріарха Іоакима, мы ничего не знали бы о первыхъ временахъ существованія своего государства; не будь у насъ Троице-Сергіевой лавры, быть можетъ Россія давно бы уже перестала существовать,

быть можетъ ея мѣсто заняло бы какое-нибудь татарское или польское царство и т. д.

Изъ двухъ, разсмотрѣнныхъ нами, воззрѣній, первое— оптимистическое, могло бы представляться болѣе благопріятнымъ и симпатичнымъ для насъ; но второе — пессимистическое, къ удивленію, въ современныхъ иноземныхъ обществахъ, отчасти же и у насъ, пользуется большимъ почетомъ и, безъ всякаго сомнѣнія, многимъ отравляетъ жизнь и безъ того тяжелую для нынѣшняго, ослабѣвшаго духомъ и тѣломъ, поколѣнія. Въ окончательномъ результатѣ оба они, какъ мы видѣли, приходятъ къ крайне одностороннему и совершенно искаженному изображенію жизни и потому къ уничтоженію всѣхъ основъ нравственности. Между тѣмъ, какъ возвышенна, свѣтла и въ то же время проста истина христіанскаго ученія о живомъ и личномъ Богѣ, любвеобильномъ Творцѣ и Промыслителѣ всего міра, и о человѣкѣ, какъ богоподобномъ разумно-свободномъ существѣ, падшемъ, но возстановленномъ, искупленномъ, усыновленномъ Богу Отцу и паки возводимомъ, дѣйствительно, не легкимъ для него путемъ настоящаго земнаго странствованія, до самой смерти, къ вѣчному личному безсмертію и блаженству на *новыхъ небѣ и землѣ, въ нихъ же* будетъ жить одна *правда* и добро (2 Петр. 3, 13). Христосъ Спаситель говоритъ Своимъ истиннымъ послѣдователямъ: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ подъдихъ міръ* (Іоан. 16, 33), также: *буди вѣренъ* Мнѣ *даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (цит. выше м.) И православный христіанинъ съ полною вѣрою молится Ему: «Іисусе, хранителю во младости моей, Іисусе, кормителю въ юности моей, Іисусе, похвало въ старости моей, Іисусе, надеждо въ смерти моей, Іисусе, животе по смерти моей, Іисусе, утѣшеніе мое на судѣ Твоемъ, Іисусе, желаніе мое, не посрами мене тогда!»

Ректоръ Московской Духовной Семинаріи,
Протоіерей Н. Благоразумовъ.

Отдѣльный оттискъ изъ № 4 „Душеп. Чт.“ 1890 года).
Въ Университетской типографіи, на Страстн. бульв.

СЛОВО

въ день св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

(О любви къ ближнимъ, истинныхъ основаніяхъ и побужденіяхъ къ ней).

Прославляя св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго, отечественная Церковь именуетъ его «ревнителемъ и защитникомъ Православной вѣры, тщательно проходившимъ возложенное на него служеніе предъ Богомъ и своимъ народомъ, успѣшно побѣждавшимъ полки супостатовъ и отгонявшимъ ихъ отъ предѣловъ Россійскихъ» (акаѳистная молитва св. Князю). Дѣйствительно, «яко благочестиваго корене пречестная отрасль» (тропарь), Князь Александръ являлся въ лично-частной жизни своей вѣрнымъ и добронравнымъ христіаниномъ, честнымъ и миролюбивымъ семьяниномъ, въ общественно-государственной дѣятельности сколько неутомимымъ до самоотверженія, столько же проницательнымъ и осторожнымъ, счастливо соединявшимъ въ себѣ гибкость ума съ твердостью воли, правителемъ: все это, не забудемъ, въ страшное и трудное время княжескихъ междоусобицъ на Руси и монгольскаго ига надъ нею! Когда Александръ былъ еще удѣльнымъ княземъ Новгородскимъ, ему приходилось вести почти безпрерывную борьбу съ западными сосѣдями — шведами, ливонскими нѣмцами и литовцами, противъ которыхъ онъ строилъ крѣпости и собиралъ дружину и ополченіе изъ разныхъ городовъ, какъ

тогда было въ обычаѣ. Всѣ эти войны были не просто дѣломъ политическихъ столкновеній названныхъ народностей съ Русскими изъ-за земельныхъ владѣній, а выраженіемъ властолюбивыхъ стремленій римскихъ папъ къ распространенію латинскаго католичества во всемъ мірѣ, которые и покушались поднимать противъ Русскихъ какъ бы крестовые походы. Но, по милости Божіей, князь Александръ, выходившій противъ иноземныхъ враговъ своихъ съ искренно-христіанскимъ убѣжденіемъ, что «Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ», всегда оставался побѣдителемъ ихъ и чрезъ то спасалъ и Православную вѣру отцовъ своихъ, и весь народно-государственный строй родной земли. Въ борьбѣ же съ восточно-азіатскими врагами-поработителями Россіи, дальновидный князь Александръ дѣйствовалъ совершенно иначе. Онъ ясно сознавалъ преждевременность всякихъ замысловъ о сверженіи татарскаго ига и все, могущее произойти для Россіи зло отъ подобнаго рода попытки, и потому, съ подавленнымъ сердцемъ, смиренно склонилъ свою геройскую голову предъ ханами, многократно и въ санѣ удѣльнаго, а потомъ и великаго князя Владимірскаго отправляясь въ самую орду съ ходатайствомъ о возможномъ облегченіи условій тяжелаго и ненавистнаго народу ига, чтобы устранить вмѣшательство татаръ во внутреннее управленіе своей земли и чрезъ то опять сохранить въ неприкосновенности народныя права и вѣрованія, въ случаѣ же неудачи готовый, по заповѣди Христа Спасителя, *положить душу свою за други своя* — дорогое свое отечество. Ставъ Великимъ полновластнымъ княземъ всеи Россіи, Александръ началъ свое служеніе дѣлами государственнаго благоустройства и христіанскаго человѣколюбія. Онъ усердно принялся уничтожать слѣды татарскаго погрома въ Суздальскоі области: возобновлялъ храмы, укрѣплялъ города, собиралъ бѣжавшихъ въ лѣса жителей и помогалъ раззореннымъ, чѣмъ только могъ. Въ то же время онъ обращалъ попечительное вниманіе свое и на другія области: такъ напр., заключилъ договоръ съ послами ганзейскаго союза о свободной тор-

говлѣ новгородцевъ въ городахъ Ганзы и ганзейцевъ въ Новгородѣ, надѣясь, конечно, чрезъ торговыя сношенія сблизить Россію съ западною Европой. Такимъ образомъ Александръ былъ не только знаменитый полководецъ и побѣдитель, но и дальновидный политикъ, облагодѣтельствовавшій народъ свой многими и важными по тому времени мѣропріятіями. Недаромъ же этотъ искони царелюбивый народъ выразилъ свое горе о великой потерѣ для Россіи въ лицѣ князя Александра, вслѣдъ за своимъ святителемъ (м. Кирилломъ), такимъ общимъ восклицаніемъ: «Закатилось солнце земли Русской!»

Между тѣмъ въ новѣйшее время сначала въ чужихъ краяхъ, а затѣмъ и у насъ появились *мудрствующіе инако о себѣ* и отъ себя, которые, (между прочимъ), проповѣдуя ничтожность личности и личной жизни человѣка, считаютъ предпочтительную любовь и соединенныя съ нею заботливыя отношенія какъ къ себѣ самому, такъ и къ особенно близкимъ ему людямъ—родственникамъ, одновѣрцамъ и соотечественникамъ незаконными и недостойными человѣка, какъ будто бы эгоистически-своекорыстныя и обидливовредныя для ближнихъ его вообще, для человѣчества въ его совокупности. *) Но такого рода ученіе, пусть выдаваемое за самое чистое и высоко-нравственное, рѣшительно не согласно ни съ Словомъ Божіимъ, которое въ немъ получаетъ превратное изъясненіе въ самыхъ основныхъ понятіяхъ о Богѣ и человѣкѣ, ни даже съ естественными здравыми мыслію и чувствомъ нашими. — Войдемъ, братіе, въ размышленіе объ этомъ предметѣ.

Какъ извѣстно, Слово Божіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы любили ближнихъ, какъ себя самихъ, и чтобы, слѣдовательно, жили не для другихъ только, но и для себя. *Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѳ. XXII, 39): такова положительная евангельская заповѣдь. Уже изъ того, что эта заповѣдь предписываетъ намъ любить ближ-

*) Такъ называемый „альтруизмъ“, требующій отъ насъ „любить другихъ больше, чѣмъ себя самого, и жить не для себя, а для другихъ“.

нихъ, какъ себя самихъ, становится очевидною законность нашей любви къ себѣ самимъ и нашей заботливости о себѣ самихъ. Дѣйствительно, въ Словѣ Божіемъ мы не находимъ ничего такого, что требовало бы отъ насъ пренебрежительно относиться къ своей личности и нисколько не радѣть о ея благѣ; напротивъ, здѣсь выражается совершенно иное, прямо противоположное понятіе о человѣческой личности и ея благѣ. Человѣческая личность, какъ созданная по образу Божію и предназначенная къ тѣснѣйшему свободному общенію съ Самимъ Богомъ, имѣетъ столь высокую цѣнность, что въ сравненіи съ нею крайне ничтожны всѣ вещи міра. Человѣческая личность такъ дорога, что для исправленія ея къ добру и для возстановленія изначально-правильныхъ отношеній ея къ Богу благоволилъ сойти съ неба на землю Самъ Единородный Сынъ Божій, вочеловѣчится и обречь Себя на страдальческую крестную смерть. Благо человѣческой личности, человѣческой души такъ важно, что мы никогда не должны оставлять заботы о пріобрѣтеніи его: овладѣть этимъ благомъ—наше призваніе, нашъ непремѣнный долгъ. *Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ, или что дастъ человѣкъ измѣну* (въ выкупъ) *за душу свою* (Мѳ. XVI, 26). А это благо ея состоитъ въ развитіи дарованныхъ каждому изъ насъ Богомъ талантовъ, особенно же въ нравственномъ самоусовершенствованіи и въ живомъ тѣсномъ единеніи съ Богомъ, какъ источникомъ всякаго совершенства, всякаго блага и блаженства. По стремленію къ пріискреннему единенію съ Богомъ исполнять волю Божію должно стать для насъ такою же насущною духовною потребностью, какою является для нашего тѣла потребность въ пищѣ и питьѣ. Слово Божіе допускаетъ права человѣка и на матеріальныя блага жизни и признаетъ законною разумную заботливость его о пріобрѣтеніи ихъ. Она внушаетъ только, чтобы главнымъ предметомъ помысловъ и заботъ людей было высшее для нихъ благо, духовное и вѣчное: *ищите же прежде* (всего) *царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся*

вамъ (Мѳ. VI, 33). И, наоборотъ, настоятельно требуя отъ человѣка самоотреченія, Слово Божіе разумѣетъ отреченіе собственно отъ своенравнаго и дурнаго направленія нашей жизни, но отнюдь не отъ самой нашей личности и ея блага,—отреченія именно отъ эгоизма, по которому человѣкъ ставитъ себя выше всего и живетъ лишь для себя самого, смотря на все въ мірѣ только какъ на средство для самоугожденія и считая всякія свои пожеланія имѣющими право на удовлетвореніе.

Допуская въ человѣкѣ любовь къ самому себѣ и признавая законность разумной заботливости его даже о матеріальныхъ благахъ жизни, Слово Божіе въ то же время настоятельно требуетъ отъ человѣка возможно-любовной заботливости о благѣ его ближнихъ, въ особенности опять духовномъ или религіозно-нравственномъ, и даже готовности на всяческое разумное самопожертвованіе въ ихъ пользу. Любя больше всего Бога, христіанинъ не можетъ не любить и того, кого любитъ Самъ Богъ, т.-е. всякаго ближняго своего, кто бы онъ ни былъ; онъ любитъ Бога во всѣхъ сынахъ Божіихъ и всѣхъ людей въ Богѣ, какъ общемъ ихъ Отцѣ: *о семъ вѣмы, яко любимъ чада Божія, егда Бога любимъ*, свидѣтельствуетъ св. ап. Іоаннъ Богословъ (1 Ін. V, 2). Такимъ образомъ прирожденное человѣку влеченіе къ себѣ подобнымъ неизбѣжно переходитъ у всякаго истиннаго христіанина въ разумную и живую любовь къ нимъ подъ вліяніемъ того же самаго сознанія нравственнаго достоинства и предназначенія богоподобной человѣческой природы, хотя здѣсь и собственная личность человѣка не приносится, какъ служебное орудіе, въ жертву благосостоянію другихъ людей и цѣлаго общества или государства — по языčески, когда даже законами дозволялось убивать безполезныхъ членовъ—слабыхъ младенцевъ, престарѣлыхъ и больныхъ. И мѣрою любви нашей къ ближнимъ должна служить любовь Того, Кто, будучи Сыномъ Божіимъ, обрекъ Себя ради нашего блага не только на всяческія лишенія и скорби, но даже на страшныя муки крестной смерти, от-

давши особенно послѣдніе годы Своей земной жизни—годы открыто-общественной дѣятельности—безконечно-любовному служенію человѣчеству вразумленіемъ заблудшихъ, обличеніемъ упорныхъ грѣшниковъ, исцѣленіемъ больныхъ, насыщеніемъ голодныхъ, утѣшеніемъ печальныхъ, возвышеніемъ и ободреніемъ униженныхъ. *Заповѣдь новую даю вамъ*, говоритъ намъ Спаситель, *да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (Іп. XIII, 34; ср. 1. Ін. III, 23). Если же мы должны любить нашихъ ближнихъ такъ, какъ возлюбилъ насъ Господь Іисусъ Христосъ, то наша любовь къ людямъ не должна останавливаться ни предъ какою нравственно-разумною жертвой, дѣйствительно необходимою для блага нашихъ ближнихъ. *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Ін. XIV, 13). Кто чуждъ и не проявляетъ такой любви къ своимъ ближнимъ, тотъ не вправѣ и называться послѣдователемъ Христа Спасителя и самъ себя лишаетъ надежды на блаженное общеніе съ Нимъ въ загробномъ мірѣ. Ничто не можетъ искупить вины людей предъ Богомъ, если они или оставались совсѣмъ невнимательными къ нуждѣ и горю своихъ собратій, кто бы ни были послѣдніе, или старались обойтись при этомъ эгоистически-разсчетливою ничтожною помощью. Напротивъ, для истиннаго христіанина дѣлать добро дѣйствительно нуждающимся и бѣдствующимъ становится столь естественнымъ и необходимымъ, что онъ не только не превозносится имъ, какъ нѣкіимъ важнымъ подвигомъ съ своей стороны, но даже какъ бы не замѣчаетъ творимыхъ имъ добрыхъ дѣлъ (Мѳ. VI, 3; Лк. XVII, 10).

Требуя отъ насъ любви ко всѣмъ людямъ, христіанство однакожь не только не воспрещаетъ, но узаконяетъ и предпочтительную любовь къ нѣкоторымъ людямъ, равно какъ допускаетъ и разныя степени любви къ нимъ. Такъ, прежде всего, Спаситель называетъ заповѣдью Божіею заповѣдь объ особомъ почитаніи родителей и особой заботливости о нихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осуждаетъ фарисеевъ за непочтительное и беззаботливое отношеніе къ ихъ отцамъ и матерямъ. Что

касается самихъ родителей, то, по ученію Господа, ихъ любовь и заботливость должны быть обращены, прежде всего, на ихъ собственныхъ дѣтей. Самъ Іисусъ Христосъ, начиная съ ранняго дѣтства Своей земной жизни, питалъ особенно нѣжную любовь къ Своей Пречистой Матери; даже во время безмѣрныхъ страданій Своихъ на крестѣ Онъ выражаетъ нѣжную и трогательную любовь къ Ней, поручая Ее попечительной заботливости одного изъ Своихъ учениковъ (Іоанна). Охлажденіе и попраніе родственныхъ связей Спаситель считаетъ вообще признакомъ крайне глубокаго нравственнаго паденія людей (Мк. XIII, 12 и др.; ср. въ обратн. сторону 1, 29—31), какъ и св. ап. Павелъ говоритъ: *аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверѕся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8; ср. 2—III, 2 и слѣд.), ибо христіански—понимаемая и чуждая излишнихъ пристрастій, заботливая любовь къ болѣе близкимъ намъ лицамъ, если, съ одной стороны, нерѣдко доставляетъ намъ радости и наслажденіе, то съ другой—столь же нерѣдко заставляетъ насъ приносить имъ самоотверженные труды и жертвы и сопровождается даже различными огорченіями. Къ самымъ ученикамъ Своимъ Іисусъ Христосъ относился не съ безразборчивою любовью; напротивъ, Онъ удостоиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ особенной любви и особенной близости къ Себѣ. Изъ лицъ, не состоявшихъ непосредственными учениками Господа, также нѣкоторые пользовались особеннымъ расположеніемъ Его, такъ что, по справедливости, назывались дорогимъ именемъ Его друзей, напр. Лазарь; равно преимущественную любовь и вниманіе Онъ оказывалъ всѣмъ тѣмъ, кто принялъ Его ученіе и сдѣлался членомъ основаннаго Имъ духовнаго царства церкви, прилагая къ нимъ даже нѣжно-родственныя наименованія (въ духовномъ, конечно, смыслѣ) матери, братьевъ и сестеръ (Ін. XVII, 9; Мѳ. XII, 46—50). Не съ безразборчивою любовью относился Іисусъ Христосъ и къ разнымъ народамъ, какіе жили въ Его время. Особенно близки Его сердцу были іудеи, какъ Его соотечественники. Печальная

судьба исторически-великаго роднаго города Іерусалима, бывшая ясною для Спасителя, какъ всевѣдущаго, трогаетъ Его до глубины души, такъ что однажды Онъ горько оплакивалъ ее (Лк. XIX, 41). Не только, значитъ, сами люди, но и нѣкоторые, связанные съ ними, предметы заслуживали особаго сердечнаго Его расположенія. Самихъ учениковъ Своихъ Спаситель побуждалъ къ тому, чтобы они проявляли къ достойнѣйшимъ и любовь наибольшую (Мѳ. X, 11 и др.); наоборотъ, Онъ и Самъ иногда отказывалъ въ Своей чудесной помощи нѣкоторымъ лицамъ, нравственно-недостойнымъ ея и неспособнымъ воспользоваться ею къ своему благу (Мѳ. XIII, 54—8).

Но мало сказать, что любовь къ себѣ самому вполнѣ совмѣстна съ любовью къ другимъ. По здравымъ соображеніямъ ума и движеніямъ чувства должно присовокупить, что только при существованіи въ насъ разумной любви къ себѣ самимъ становится возможною для насъ любовь къ другимъ. Извѣстно, что мы вообще судимъ о потребностяхъ, нуждахъ, лишеніяхъ, скорбяхъ и радостяхъ другихъ людей не иначе, какъ по себѣ самимъ, по собственному опыту жизни. Если же мы нерѣдко принимаемъ близко къ сердцу и такое положеніе нашихъ ближнихъ, какого сами не испытали, то вѣдь и въ этомъ случаѣ мы невольно ставимъ себя въ положеніе другихъ, или судимъ о немъ по случавшимся съ нами сходственнымъ обстоятельствамъ. Нисколько не дорожа какими-нибудь своими потребностями и интересами, оставаясь совершенно безчувственными къ разнороднымъ событіямъ своей жизни и считая тщетными и ничтожными всѣ свои скорби и радости, какъ могли бы мы принимать близко къ сердцу чужіе интересы и потребности, какъ могли бы стать способными къ живой отзывчивости на различныя событія въ жизни другихъ и расположенными считать важными и серьезными ихъ скорби и радости? Нѣтъ, при отсутствіи любви къ себѣ самимъ и при совершенномъ подавленіи влеченія къ какому бы то ни было собственному благу, для насъ невозможна истинная

любовь къ другимъ людямъ, способная *радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими.* Человѣку, дошедшему до погашенія всякой любви къ себѣ и ничего не желающему для себя свойственны не горячая любовь и состраданіе къ другимъ, а развѣ лишь влеченіе къ безотрадному самозабвенію и вмѣстѣ презрительное отвращеніе ко всѣмъ и всему въ мірѣ. Точно также отрицаніе предпочтительной любви къ нѣкоторымъ лицамъ и предметамъ неизбѣжно предполагаетъ или влечетъ за собою отрицаніе всякой любви къ кому бы то ни было и чему бы то ни было, и дѣйствительное отсутствіе такой любви въ человѣкѣ служило бы вѣрнымъ и неоспоримымъ показателемъ полнаго равнодушія его ко всѣмъ и всему въ мірѣ. Ибо, хотя люди имѣютъ одинаковую природу, но не всѣ одинаково доступны намъ, или связаны съ нами по своимъ отношеніямъ кровнымъ и духовнымъ, частнымъ и общественнымъ, не всѣ одинаковы по своимъ нравственнымъ и другимъ качествамъ, не всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи и обстоятельствахъ; съ другой стороны, каждому изъ насъ свойственны не только разумъ и чувство справедливости вообще, но и другія влеченія и требованія нашей природы: отсюда сами собою неизбѣжно возникаютъ въ насъ разныя степени любви къ людямъ, и питать ко всѣмъ безразлично одинаковое сердечное расположеніе для насъ совершенно невозможно, если бы мы даже и хотѣли того.

Такимъ образомъ христіанское ученіе, прямо узаконяющее и оправдывающее разумно-заботливую любовь человѣка къ самому себѣ, свидѣтельствуетъ и этимъ о своемъ безмѣрно-высокомъ достоинствѣ. Напротивъ, новѣйшіе мнимые нравоучители («альтруисты»), возстающіе противъ надлежащей любви человѣка къ самому себѣ и требующіе отъ него отреченія отъ всякаго блага своей личности, тѣмъ самымъ лишаютъ человѣка возможности любить другихъ и заботиться объ ихъ благѣ, слѣдовательно проповѣдуютъ ученіе не только самоизмышленное, противо-христіанское, но даже противо-естественное. *Якоже хощете да творятъ*

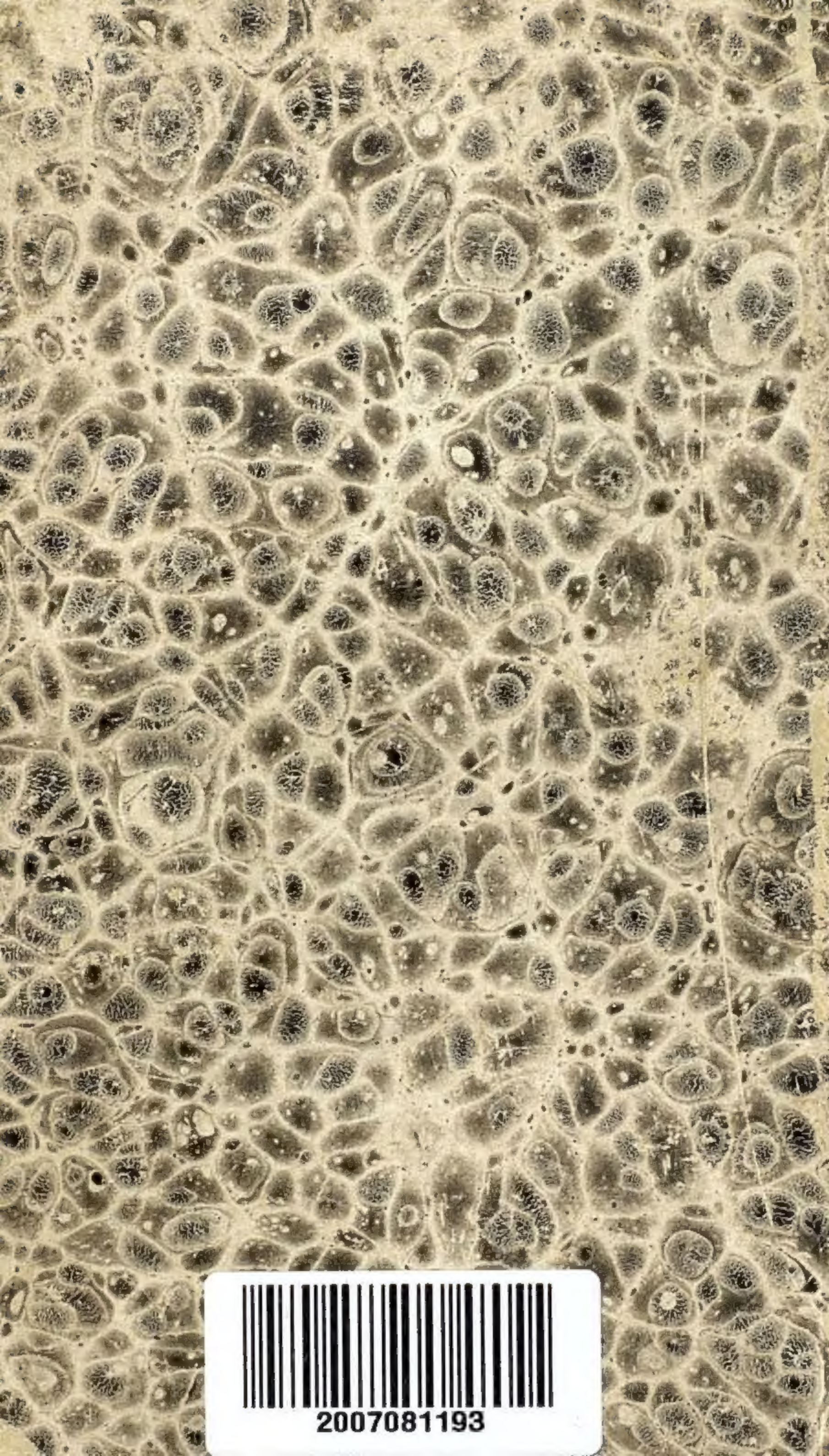
вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде: ею же бо мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ (Лк. VI, 31. 38).

Итакъ, оставаясь всегда и во всемъ вѣрными ученію древне-вселенской и вполнѣ единомысленной съ нею отечественной церкви и готовые приносить общественному благу своей родной земли всяческіе труды и жертвы, сообразно съ званіемъ и состояніемъ каждаго изъ насъ, воззовемъ, братіе-соотечественники, изъ глубины души къ св. благовѣрному и Великому князю Александру: «предстоя со всѣми святыми престолу Божію, молися о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, наипаче же о соименномъ Тебѣ Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ всея Россіи, да сохранитъ ихъ Господь Богъ Своею благодатію въ мирѣ, здравіи и всякомъ благополучіи на долгàйшая лѣта» (акаѳ. молитва)! Аминь.

Протопресвитеръ Николай Благоразумовъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 10 Душеполезнаго Чтенія 1892 г.).

Москва. Универ. тип., Страстн. бульв.



2007081193